

Людмила Милевская

ЖЕНЬ рассерженных мужей

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Соня Мархалева – детектив-оптимистка

Людмила Милевская

Пять рассерженных мужей

«Автор»

2002

Милевская Л. И.

Пять рассерженных мужей / Л. И. Милевская — «Автор»,
2002 — (Соня Мархалева – детектив-оптимистка)

Ну и попала Сонька Мархалева в переделку! Мужья подруг во главе с её бывшим супругом решили, тщательно маскируясь, начать общий бизнес торговлю гробами и бездомными котиками... Однако Сонька моментально вычислила их. Но вывести на чистую воду не успела – оказалось, что за горе-бизнесменами охотятся весьма серьёзные структуры. Пятеро решительно настроенных мужчин знают какую-то чрезвычайно важную тайну, которую из них будут вытягивать любыми средствами... Кто же поможет подругам спасти их драгоценных мужей? Конечно, вездесущая и неутомимая Сонька! Тем более, что на этот раз её помощником оказался настоящий французский граф.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5. Оранжевое безумие	25
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11. Отдача	44
Глава 12	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Людмила Милевская

Пять рассерженных мужей

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Ярким солнечным днём у въезда в уютный старый московский дворик остановилась красная «Альфа Ромео». Небрежно хлопнув дверцей, степенно вышел из неё элегантный высокий мужчина в модном летнем костюме. С грацией, присущей сильным тренированным людям, он стремительно пересёк залитую солнцем площадку двора, вошёл в подъезд, легко взбежал на второй этаж по истёртым каменным ступеням, уверенно направился к обитой чёрным дерматином двери, остановился, оглянулся...

Мягкая мечтательная улыбка озарила крупные резкие черты его загорелого лица. Мужчина удовлетворённо тряхнул головой, отправляя на место прядь выгоревших, рыжеватых от солнца волос.

– Все почти как вчера... – тихо проговорил он, решительно утопив кнопку звонка.

Электрические трели проникали из-за двери, мужчина слышал их и прислушивался, словно настраиваясь угадать шаги, которые вот-вот прозвучат, но...

Никто к двери не подошёл. Мужчина снова утопил кнопку звонка и снова прислушался. Потом он постучал, сначала тихо, затем все громче и громче.

– Ну же, ну, – нетерпеливо приговаривал он. – Спит что ли?

Он недоумевал, куда можно исчезнуть в воскресный день, когда такой гость стучится в двери?

В конце концов мужчина разочарованно качнул головой, сделал два шага влево и так же решительно нажал на кнопку соседнего звонка.

В этот раз ему повезло – дверь распахнулась и из квартиры, удаляясь, донеслось:

– Лена, я занята, поставь сумку в коридоре и сбегай за хлебом.

Мужчина смущённо гмыкнул, потоптался в нерешительности и ещё раз утопил кнопку звонка. Раздались лёгкие шаги, на пороге появилась маленькая веснушчатая женщина лет тридцати в лёгком халате и стоптанных тапочках. Она изумлённо уставилась на шеголеватого незнакомца, гадая на кого он больше похож: на Тома Круза или на нашего Игоря Старыгина. И тот и другой ей нравились очень, впрочем, так же, как понравился и этот молодой человек.

«Он иностранец,» – подумала она и, стараясь казаться приятной, спросила:

– Вам кого?

– Евгений Астров здесь проживает? – вежливо кланяясь и обнаруживая красивый густой бас, спросил незнакомец.

Говорил он без всякого акцента, и женщина подумала: «Надо же, я ошиблась. Он русский, но слишком холёный. Значит „новый русский“. Новый русский? К Женьке? Зачем?»

Она помялась и неохотно ответила:

– В соседней квартире.

– А когда он бывает дома? – лишая её возможности скрыться за дверью, быстро спросил незнакомец.

– Ну-у, – растерянно протянула женщина. – Это трудно сказать...

От его внимания не ускользнула некоторая неопределённость ответа, впрочем, как и её причина. Рука его мгновенно исчезла за спиной и... перед женщиной возникла жёлтая роза с каплей росы. Благоухающая и безупречно свежая.

Женщина испуганно отшатнулась, затем улыбнулась и всплеснула руками:

– Вы фокусник?

– Нет, я надоедливый гость, который причинил вам некоторое беспокойство, – галантно пророкотал мужчина, вновь застывая в почтительном поклоне. – Примите, прошу...

И он ослепил её белозубой улыбкой.

«Нет, он больше похож на Старыгина,» – подумала женщина и спросила, не спеша брать розу:

– А кто вы?

– Старый друг. С края света приехал, много лет не виделись, а вот застать не смог. Жаль... И он опять ослепил её улыбкой, немного грустной, даже печальной.

«Нет, он вылитый Том Круз,» – решила женщина, принимая розу и зарываясь носом в её благоухающие лепестки.

– Вряд ли вы здесь Женьку застанете, – вновь стараясь нравиться, сказала она.

Незнакомец насторожился:

– Почему?

– Женя теперь здесь почти не бывает.

– Переехал? – в светло-карих глазах появилась тревога.

– Ну-у, – протянула она, кокетливо прикрывая пухленькие губки розой. – Женился.

Сказала и пожалела – растерянность возникла в его глазах и вопрос: «Как же сам не догадался?».

– Простите, что потревожил.

– Ничего.

Женщина пожала плечами и отступила в квартиру, но ласковый голос незнакомца её вернул.

– Ваша роза, – воскликнул он.

Она вздрогнула, удивлённо глянула на цветок, который держала в руке, растерянно перевела взгляд на мужчину и улыбнулась.

– Ваша роза, – повторил он.

В его руке действительно была роза, на этот раз белая.

– Вы фокусник! – рассмеялась она.

– Возьмите.

Помедлила, смущённо и все же кокетливо играя глазами, осторожно шагнула к незнакомцу и аккуратно, стараясь не уколоться, взяла цветок.

– Спасибо.

Мужчина галантно кивнул, повернулся, шагнул к лестнице...

Она не уходила, застыла на пороге. Точно ожидая чего-то, провожала его зачарованным взглядом.

Мужчина сделал несколько неуверенных шагов, словно передумав, вернулся и, вновь подарив ей свою ослепительную улыбку, спросил:

– А где теперь живёт Евгений? Вы, случайно, не знаете?

– Знаю, – кокетливо прикрывая губы уже двумя розами (жёлтой и белой) ответила женщина. – У меня есть адрес. Секунду.

Она порхнула в квартиру и быстро вернулась с блокнотом.

– Записывайте.

– Надеюсь его жена не будет против визита старого друга? – минутой позже спросил мужчина, укладывая в карман пиджака стильную электронную записную книжку с адресом Евгения Астрова.

– Не думаю, – с мечтательной улыбкой ответила женщина. – Она добрая и милая, между прочим, известная писательница.

– Вот как? – приятно удивился незнакомец.

– Да, наверняка и вы её книги читали. Софья Мархалева.

Секундная растерянность в его глазах сменилась восторгом.

– Ну как же! Как же! Конечно читал! Вот только забыл её отчество. Софья... – незнакомец сделал паузу.

– Софья Адамовна, – мечтательно подсказала женщина. – Софья Адамовна Мархалева. Женьке безумно повезло!

– Я очень рад, – он подарил ей ещё одну ослепительную улыбку. – Вы сообщили мне весьма приятную новость. Что ж, прощайте, ещё раз прошу прощения и спешу повидаться с другом.

– Всего хорошего, – с лёгкой грустью ответила женщина, удаляясь в квартиру.

– О, постойте!

Его рука вновь скользнула за спину и снова, словно из ниоткуда, выросла роза. Благоухающая и безупречно свежая.

На этот раз красная.

Глава 2

Если у человека нет мечты, это никуда не годится – вял и неинтересен человек без мечты. Жизнь его пресна и стерильна, и какими излишествами её ни украшай, все серо, все уныло.

Да-а, не роскошь для человека мечта, а острая жизненная необходимость, ну просто хлеб духовной пищи. Это бесспорно, поэтому каждый из нас с молодых ногтей и старается обзавестись если не громадной мечтищей, то хотя бы малюсенькой мечтенкой. Разумеется, чем масштабней человек, тем масштабней у него мечта...

Есть люди, чьи мечты уже сами по себе сверхполезный продукт для общества. Таким людям и делать-то ничего не надо, только сиди себе и мечтай, и мечтай!

Вот какенный у них масштабище! Вот какенный размах! В связи с этим могу сказать, что уж я-то! Я!!!

Я аж целая Софья Мархалева! Этим сказано все! Тут и пояснять не нужно, а моя мечта...

Впрочем, речь здесь не обо мне, как это ни обидно, и уж тем более не о моей мечте. Речь здесь о мечте Маруси.

Маруся тоже масштабный человек, но лишь внешне. В смысле масштабности она ограничилась весом, ростом и объёмом и дальше этого не пошла, как я её к тому ни принуждала.

О чем мечтает Маруся с молодых ногтей понятно каждому, хоть раз взглянувшему на неё. Конечно о муже, о чем ещё ей мечтать?

И так дорожила всю жизнь Маруся своей мечтой, что никак не решалась перейти к её воплощению. Да и не везло бедняжке лет до сорока. Зато потом так повезло! Так повезло! Такой мужчина остановился на её пути, такой взгляд задержал на Маруси!

Ох! Сначала я была против...

Не знаю почему, может по привычке.

Но против я недолго была. Такой мужчина! Гигант! Ну чистый горилла в самом лучшем смысле. Силища немерянная. Лицом вылитый Илья Муромец, а имя!

Имя ну самое русское – Иван. Да ещё и Фёдорович. А фамилия!

Архангельский!

Архангельский! Чудо что за фамилия, хоть себе такую бери.

Как подумаю, что теперь Маруся моя будет не Курдюшкина, а Архангельская, даже настроение портится. И это при том, что я всего лишь какая-то Мархалева. И не какая-то, а Мархалева, которую, слава богу, бросил муж. Слава богу, потому что обо мне теперь судачат все мои друзья – добрая половина Москвы. Конечно слава богу, хоть в связи с моим горем поговорят о прекрасном – обо мне.

Вот о чем я размышляла по дороге на свадьбу Маруси. Наконец-то выходит замуж моя любимая подруга, с которой я дружу всю жизнь, с самого нежного, почти ясельного возраста. Надо же, Маруся выходит замуж. С детства она к этому была готова и вот, наконец сбылась мечта...

Событие грандиозное. Соберутся все-все друзья. Увы, и Юлька с Женькой там будут.

Мой Женька! Мой Астров! Мой бывший муж придёт на свадьбу Маруси не со мной, а с Юлькой! С Юлькой, которая ещё недавно (совсем как Маруся) тоже мечтала...

И её мечта сбылась.

Но почему-то с моим мужем. А я одинока.

Боже, как одинока я! Я! Умница и красавица!

Надеюсь, это продлится недолго, я одиночество имею ввиду. Тоже выйду замуж и устрою пышную свадьбу, ещё пышней, Марусиной, а её свадьба врежется в сердца и головы приглашённых. Уж Маруся им это «прямо вся» пообещала.

Да-а! Свадьба Маруси! Грандиозно!

По этому случаю я была одета и причёсана так, что хоть бери и отправляй меня на вручение Оскара или Пальмовой ветви. На заднем сидении моего новенького «Мерседеса» лежал баснословной цены букет и подарок.

О, подарок! В него я вложила всю горечь своей неудавшейся жизни. Я приготовила подарок, который должен был и Женьке и Юльке и всем-всем-всем доказать, что я счастлива!

Как мне удастся доказать это с помощью всего лишь букета и подарка я ещё не знала, но на всякий случай решила опоздать. Опоздавший неизбежно привлекает к себе внимание, чего настоятельно требовали мои новые бриллианты, наряд и причёска. Жаль, на новеньком «Мерседесе» нельзя подъехать прямо к свадебному столу, было бы очень эффектно.

Я глянула на часы и забеспокоилась: не слишком ли увлеклась? Опоздавший чрезмерно, рискует остаться вовсе незамеченным, поскольку гости уже вошли в ту пору, когда говорят все разом и каждый думает только о себе.

Я нажала на газ, «Мерседес» ветерком понёсся по шоссе – вдали показалась призывная вывеска ресторана и...

О, ужас!

* * *

Сверкающая новенькой полировкой красная «Альфа Ромео» влилась в поток автомобилей, пронеслась по проспектам Москвы и вновь степенно припарковалась у добротного дома сталинской постройки.

Глядя на крупного мужчину, покинувшего «Альфу Ромео», оставалось лишь удивляться, как его костюм смог сохранить первозданную свежесть в тесноте автомобильного салона.

Мужчина удивительно лёгкой походкой вошёл в подъезд, на лифте поднялся на девятый этаж, внимательно изучил номера квартир, убедился в правильности выбора и позвонил. Прислушался, позвонил ещё раз, заметно нервничая, и ещё раз, и ещё раз.

Опять его ждала неудача – так никто и не отозвался.

Незнакомец прибег к прежнему манёвру: перешёл к соседней двери. Результат превзошёл ожидания, дверь распахнулась раньше, чем отзвучал звонок. На пороге возникло пасмурное существо.

«Старая дева,» – подумал мужчина.

Догадаться было легко, потому что пол существа определялся с трудом: лишь халатом и многочисленными бигуди, на которые хозяйка скупо намотала по несколько волосинок.

– Простите, – начал он, но осёкся.

На него, как два буравчика, уставились злющие точки глаз. Очень недовольно существо проскрипело:

– Сколько раз говорить, не покупаю я «Гербалайф». И без него каждый день худею.

Мужчина попробовал ослепительно улыбнуться – не помогло. Тогда он её успокоил:

– Я не продаю «Гербалайф».

Рука его скользнула за спину и... вернулась со свежей благоухающей розой, которую он с изысканным поклоном предложил существу.

– И что? – ответило оно, ничуть не обрадовавшись и все недовольство уже направляя на розу – роскошную жёлтую розу.

– Я ищу одну милую женщину, Софью Адамовну Мархалеву.

Сказал и понял, что сделал глупость, так почернело существо.

– Милую? Сразу видно, что вы с ней не знакомы. Нет её, бегает все, а ведь давно уже не девочка, – пролаяла старая дева, собираясь хлопнуть дверью.

– Но может быть вы поможете отыскать её мужа? Астрова Евгения! – поспешно выпалил мужчина.

Старая дева изменила намерения.

– Женю? – голос её подобрел. – Да кто ж знает, где искать его? Бедного Женьку теперь и с собаками не найдёшь, пожалуй.

Брови незнакомца поползли вверх, роза в его руке, напротив, вниз опустилась:

– Почему?

И вот тут-то существо наконец улыбнулось, скорее оскалилось – зло и ехидно.

– Потому что сбежал он от Соньки!

– Что-о? – роза и вовсе исчезла.

– От Соньки-вертихвостки Женька сбежал, – презрительно выплюнуло существо и снова оскалилось в улыбке, показав нездоровые зубы.

Мужчина опешил.

– Так они теперь вместе не живут? – уточнил он смущённо и задумчиво.

– Говорю же вам: раз-ве-лись. Сбежал! Сбежал и правильно сделал!

– А где...

Существо хлопнуло дверью.

Мужчина постоял, размышляя, постоял у закрытой двери, а потом повернулся и направился к лифту.

Такой неприятной магией обладало это злое существо, что он потерялся, да и на встречу с Астровым был слишком настроен. А Астрова нет. И неизвестно где искать.

Выходя из подъезда, незнакомец резко остановился, тихо сказал сам себе:

– А почему бы и нет? – и вернулся в лифт.

Вновь оказавшись на девятом этаже, он опасливо обошёл дверь, за которой жило неприветливое существо, и направился к соседней. Решительно нажал на кнопку звонка, вслушиваясь в звуки залихватской цыганской песни, просачивающейся на лестницу. Там, в недрах квартиры, царило веселье, доносились громкие голоса, гиканье и топот.

«Вряд ли услышали,» – подумал незнакомец.

Попытку пришлось повторить, прежде чем дверь распахнулась, явив его взгляду раскрасневшуюся пьяную женщину, все ещё приплясывающую в такт грохочущей цыганской мелодии.

– Заходи, дорогой, – гостеприимно крикнула она, очертив широкий приглашающий жест полной красивой рукой.

Незнакомец и рта не успел раскрыть, как радушная хозяйка, ничуть не сомневаясь что гость воспользуется её приглашением, устремилась через коридор к столу, занимавшему большую часть комнаты.

«Отступить поздно», – решил незнакомец.

Он вошёл, остановился перед гостями и перед женщиной, уже занявшей почётное место за столом. Музыка стихла.

– Наливай! – скомандовала она, сидевшему рядом с ней плюгавому мужичонке.

Тот послушно схватил бутылку водки, налил полный стакан и преданно уставился на хозяйку.

Она одобрительно кивнула и зачем-то пояснила гостю, глядя на стакан:

– Денис из Воркуты, двоюродный брат моего мужа, сегодня уезжает. Провожаем, – и тут же пронзительно запела: – Эх, мама-мама-мама, люблю цыгана Яна, ах дети-дети-дети, есть любовь на свете!

Мужчина напрягся и подумал: «Кому стакан налили? Неужели мне?»

Словно услышав его мысли, женщина песнь оборвала, залпом опрокинула стакан и сказала:

– Я Татьяна. Видишь, снова гости у меня. И гости, и гости, и гости. Всю жизнь гости, со всего света едут. И едут, и едут, и едут. Не квартира, а постоянный двор. Пить будешь?

Гости с осуждением посмотрели на хозяйку.

– Ну и не надо, – сама себе ответила Татьяна, заметив их косые взгляды. – А ты парень ничего. Ой! – вдруг она захихикала и всплеснула руками. – Хорошенький какой! Может все же выпьешь?

Он жалобно посмотрел на гостей, Татьяна тоже на них посмотрела, сердито, даже зло, но тут же улыбнулась, махнула рукой и сказала:

– А ну их! Всем хватит! Пей!

И она сама налила полный стакан.

Мужчина попятился и трижды проделал фокус с розой, протянув хозяйке три цветка. Три розы, удивительно свежих и ароматных – жёлтую, белую, красную.

Татьяна сказала:

– Ой! Ой!

А гости заплодировали и загалдели:

– Пей! Пей!

Мужчина галантно поклонился.

Компания вновь разразилась аплодисментами и ещё громче заорала:

– Пей! Пей!

– Приношу глубочайшие извинения, – вновь поклонился мужчина. – Лишь чрезвычайные обстоятельства вынуждают меня прервать ваше очаровательное застолье. Я ищу Мархалеву Софью Адамовну.

– Соньку?! – обрадовалась Татьяна.

– Если угодно, её, – подтвердил мужчина.

– Так Соньки сегодня уже не будет, – сообщила хозяйка. – К утру, наверно, пьяная придёт.

Брови мужчины поползли вверх. Татьяна, заметив его удивление, рассмеялась и пояснила:

– Да нет, ты неправильно понял, не алкашка она, просто на свадьбу укатила.

– На свадьбу?

Брови его поползли ещё выше.

«Развелась с Астровым и снова замуж выходит?» – удивлённо подумал он.

– Да, – радостно сообщила Татьяна. – Укатила на свадьбу к Марусе. Представляешь?!

Она игриво толкнула локтем в бок своего соседа, плюгавого мужичонку, и закричала ему в ухо, хотя он не был глухим:

– Маруся замуж выходит! Маруся! Замуж!

– Кто бы мог подумать! – загалдели гости. – Кто бы мог подумать!

– Так что может и к утру не объявится, – вновь обратилась Татьяна к окончательно растерявшемуся незнакомцу.

– А что же мне делать? – спросил он. – Я должен срочно найти Мархалеву.

– Да вы к ней туда и поезжайте. Маруся, вот такая баба! – Татьяна показала свой большой палец. – Маруся всем всегда рада.

– Но я её не знаю.

– Скажите Татьяна, соседка, прислала! И муж её тоже тогда будет рад.

– А муж кто? Муж-то кто? – загалдели гости.

– Да Архангельский, Ваня, – пояснила Татьяна и с гордостью сообщила: – Он меня любит!

Он всех женщин любит!

Тут она одумалась и добавила:

– Но особенно любит, конечно, Марусю.

Услышав фамилию мужа, незнакомец вздрогнул и изменился в лице.

– Простите, – обратился он к хозяйке, – не о том ли Архангельском идёт речь, который родом из Архангельска? Не об Иване Фёдоровиче ли вы поминали?

– О нем! О нем, родимом! – радостно подтвердила Татьяна. – Коль его знаешь, тем более на свадьбу поезжай! Там всем рады! Всех звали! И я бы поехала, да гости у меня. А ты поезжай, поезжай обязательно, раз Ваню знаешь нашего.

Услышав это, незнакомец подумал: «Какая удача!» и приободрился.

– Куда? Куда ехать? – воскликнул он.

– В ресторанчик «Ливерпуль». Найдёшь?

– Найду.

– Так пей, – сказала Татьяна, протягивая полный стакан водки.

Компания снова оживилась. Раздались крики:

– Штрафную ему! Штрафную!

Незнакомец любезно отклонил предложение, витиевато сославшись на необходимость вести автомобиль. Впрочем, никто и не расстроился. Татьяна снова выпила сама.

Выйдя из подъезда элегантный мужчина поспешил к своей элегантной машине, но... с ужасом обнаружил, что её нет. Он растерянно повертел головой, сделал шаг вправо, шаг влево, затем в отчаянии махнул рукой и с тихо досадой пропел:

«Я другой такой страны не знаю...»

Глянув на ключи, которые все ещё были в руке, он вспомнил, что по привычке, уходя, не только не поставил автомобиль на сигнализацию, но и не нажал кнопку центрального замка.

– Сам виноват, – пробормотал он. – Эх, уж лучше б водки хряпнул! Говорили же: пей!

Глава 3

Карл Левин, избегая внимания дорожных патрулей, припарковал громадный джип «Линкольн Навигатор», следуя всем правилам, на стоянке ресторана «Ливерпуль». Тонированные стекла машины надёжно скрывали от любопытных глаз все, происходящее внутри.

Карл, не выходя, перебрался через сидения в багажный отсек, извлечёнными из кармана пассатижами повернул едва заметный рычажок, сдвинул металлическую крышку, обнажившую тайник.

В считанные минуты он извлёк из тайника по частям и тут же ловко собрал короткую винтовку с лёгким титановым прикладом и тяжёлым, толстым стволом. Приладил к ней оптический прицел, массивный глушитель. С лёгким немецким акцентом сказал:

– Порядок.

Затем он быстро пристроил к заднему сидению специально изготовленное для подобных случаев приспособление – упор для винтовки. Удобно устроился, положив оружие на это возведение, и принялся наблюдать за входом в ресторан, расположенным на другой стороне бульвара.

Между коротким стволом винтовки, смертоносного девятимиллиметрового «Спрингфильда», и входом в ресторан теперь находилось лишь тонкое тонированное стекло автомобиля.

Карл Левин приготовился ждать.

Он умел это делать. Такое умение редко даётся людям природой. Его воспитывают в специальных школах, где из нормального человека всеми способами и силами вытравливают человеческое нетерпение, взамен которого насаждают качества первоклассной ищейки, способной бесстрашно идти по следу, и охотничьего пса, способного часами сидеть в засаде.

Карл Левин – выпускник такой школы, а потому он умеет и ждать, и догонять, и преследовать, не обращая внимание на погоду и превратности судьбы. В конце концов, удача – продукт терпения.

Однако в случае с Архангельским даже закалённое, тренированное терпение Левина готово было дать сбой. Карл проклял тот день, когда взялся за эту работу.

На первых порах заказ выглядел очень выгодным и нехлопотным, но предполагающаяся лёгкость исполнения на самом деле обернулась неразрешимыми проблемами. Объект, неутомный Иван Архангельский, бегал от смерти по своим делам, даже не подозревая какой опасности подвергается. Он, как спринтер, носился по городу, петляя, словно заправский заяц, и Карлу прискучила роль несчастливой лисы.

«Как это получается?» – изумлялся Карл после очередной неудачи.

Большого непоседы, чем этот странный объект, он в жизни своей не встречал. Битую неделю Карл гонялся за Архангельским, с профессиональной тщательностью выбирая места и пристраиваясь то с винтовкой, то с пистолетом, а то и с ножом.

Безуспешно! Карл мог хоть всю жизнь сидеть то со своим пистолетом, то со своим ножом – Иван входил в одну дверь, а выйти норовил непременно в другую, приезжал на одном автомобиле, а отбывал на другом, ночевал где придётся, ел на бегу.

В общем, с точки зрения киллера, вёл себя кое-как. Если бы Карл не был абсолютно уверен, что имеет дело с непрофессионалом, он бы, пожалуй, заподозрил в Архангельском выпускника спецшколы ГРУ.

В другое время Карл отнёсся бы к метаниям Архангельского философски, но, не зная этих специфических привычек объекта, он недооценил сложности задания, а потому график был составлен без учёта этих особенностей и теперь не просто трещал по швам, а был уже под угрозой срыва.

Хладнокровный убийца Карл был близок к истерике, так загонял его Архангельский, вселивший в Карла какое-то мистическое ощущение, что этот объект бессмертен, что его ни практически ни даже теоретически нельзя убить.

Карл знал, что так не бывает! Так не бывает даже в том случае, когда речь идёт о президенте очень богатой и влиятельной страны, все смертны и всех можно убить, остальное – вопрос времени и денег.

И все же в этом отдельном случае Карл не мог совладать со своими ощущениями. Архангельский казался Карлу неубиенным.

«Два „клиента“ ожидают меня в Гонолулу, – паникуя, размышлял Карл, – один во Франции и ещё троица на Тайланде. Работы невпроворот. И вся она срочная. А тут какой-то Архангельский... Мать его!»

Карл поймал себя на мысли, что не способен думать ни о чем, кроме своего объекта. Что бы Карл ни делал, в голове только он – Архангельский, этот негожий суетливый мужичонка.

«Что он все мечется? – раздражался Карл. – Мечется и мечется. Даже накануне собственной свадьбы. Если сегодня, в день свадьбы его не пристрелю, точно себе пушу пулю в лоб!»

Убить объект на собственной свадьбе – классика киллерского искусства. Счастливым человек расслаблен, даже матерый профессионал теряет осторожность.

Карл взял себя в руки и хладнокровно прикинул шансы на успех сегодняшнего мероприятия. По всему, вроде, выходило: вариант, что Иван Фёдорович Архангельский прекратит этой ночью маяться на грешной земле, тянет процентов на девяносто.

«Именно, что вроде, – пригорюнился Карл. – Десять процентов, это непредвиденные случаиности, объём которых с учётом патологической непоседливости объекта, порой, возрастает до ста процентов.»

Карл предусмотрел все. Он поставил «Линкольн Навигатор» так, что Архангельский, усаживая свою крупногабаритную жёнушку в припаркованный у входа свадебный автомобиль, неизбежно, хоть на десять секунд, окажется в поле зрения прицела «Спрингфильда».

Даже с учётом того, что проезжающие автомобили на секунду, другую прикроют цель, оставшегося времени вполне хватало. Выбирая оружие, на этот раз Карл учитывал необычайные способности Архангельского. «Спрингфильд» может за пять-семь секунд выбросить в цель весь свой десятизарядный магазин, сделав это точно и аккуратно.

Однако, мучили сомнения.

«В конце концов, не сбежит же от меня новобрачный вместе с коровой-женой через чёрный ход, – успокаивал себя Карл. – Даже для него чересчур... Заждались архангелы этого Архангельского», – подумал он, не спуская глаз с входа в ресторан.

Между тем прошло минут сорок от того торжественного момента, когда гости исчезли в недрах «Ливерпуля». Свадьба должна быть в самом разгаре. Карл немного расслабился. Если бы не сомнения, привитые объектом, он бы даже рискнул уехать. Вернулся бы к концу торжества и... поставил в нем точку. Окончательную.

Но с Архангельским такой номер мог не пройти. Этот егозливый мужик и с собственной свадьбы улизнуть способен. Возьмёт и поругается с коровой-женой!

Карл вздохнул, приготовившись к долгому ожиданию, даже глаза прикрыл ненадолго, а когда открыл... он им не поверил. У входа в ресторан стоял, покуривая сигарету, сам... Архангельский. Свадьба, как говорится, пела и плясала, а новобрачный исторг себя из неё. Вышел покурить на свежий воздух, хотя в ресторане имеется комфортабельная курительная комната.

«Это удача!»

Карл метнулся к дверце, лихорадочно ткнул в кнопку стеклоподъемника.

Тонированное стекло приспустилось сантиметров на пять. Карл приник к прицелу.

– Твою мать! – вырвалось у него.

Архангельский выбросил едва зажжённую сигарету в щегольскую никелированную мусорную тумбу и стремительно скрылся в дверях ресторана. Карл понял, кто на этот раз ему помешал: служащий ресторана напомнил Архангельскому про курительную комнату, попросив перейти туда.

«Эх, какое-то роковое невезение!» – пригорюнился Карл, раздумывая не плюнуть ли ему на этого Архангельского.

Но плюнуть нельзя. Хозяевам это сильно не понравится.

Карлу оставалось только ждать. Он ждал. То же, что увидел он минут десять спустя, Карла просто взбесило. Едва ли не к самым дверям ресторана на рискованной скорости подкатила красная «Альфа Ромео», из которой выскочили здоровенные лбы в количестве трех штук. Они скрылись в недрах ресторана и вскоре вернулись с... Архангельским. Все вместе двинулись к красной «Альфа Ромео», при этом у Карла не было возможности сделать выстрел – объект был надёжно прикрыт.

Карл обомлел. Происходило невероятное. Объект смывался с собственной свадьбы.

У Карла в душе рядом со злобой на Архангельского зародилось нечто подобное уважению.

«Вот ведь какой живучий, гад! – скрипя зубами подумал он. – Опять уходит. Пока достану все жилы вымотает.»

Карл снял винтовку с упора и решил.

«Подожду, скорее всего он ещё вернётся. Ну не бывает так у нормальных людей. Хотя у этого Архангельского...»

От всего дальнейшего Карл Левин, выдавший виды киллер, просто ошалел. Не успела красная «Альфа Ромео» с Архангельским и верзилами отрулить от ресторана, как со встречной полосы, нарушая правила дорожного движения, устремился массивный новенький «Мерседес», за рулём которого сидела очень эффектная блондинка.

Сверкающая лаком «Альфа-Ромео», взвизгнув задымившейся резиной, попыталась увернуться от нагло прущего на неё «Мерседеса», но симпатичная блондинка решительно попытку пресекла. Дама выполнила немислимый манёвр и...

Бамс!!! Мощный бампер «Мерседеса» ударил «Альфа Ромео» в бок.

Киллер Карл Левин продекламировал поэта Рождественского: «„Альфа Ромео“ больше не встретит Альфа-Джюльетту...»

Он отложил винтовку, продолжая уже с интересом наблюдать за развязкой этого необычного происшествия. Прежние сомнения в том, что Архангельский не так прост, как кажется, уступили место новым.

«Ловко эта рыжеволосая подцепила своим „Мерседесом“ тачку с Архангельским, – подумал он. – Любо дорого посмотреть. Профессионализм чистейшей воды. Но тогда...»

Черт! Это же покушение на мой объект! Кто-то пытается убить Архангельского!»

Карл нервно переложил винтовку на сидение. Весь превратился во внимание.

«Мерседес» же, упёршись могучим бампером в борт лёгкой «Альфа Ромео», принялся толкать её к тротуару. Движение замерло лишь тогда, когда покореженная машина упёрлась колёсами в бордюр.

«Нет, это не покушение,» – подумал Левин.

Блондинка выпорхнула из «Мерседеса» и, очень эффектно крутя ладным задом, принялась суматошно бегать вокруг своего автомобиля, рассматривая повреждения, а из «Альфа Ромео», покачиваясь, вылез... Архангельский.

«Эх, черт!»

Карл потянулся за винтовкой, моля Всевышнего попридержать этого шустрого мужика.

«Одну, одну только пулю...» – бормотал он, пристраивая винтовку.

Из «Альфа Ромео», отчаянно матерясь, выскочили верзилы.

Карл уже почти поймал широкую спину Архангельского в перекрестие прицела, но...
Из прицела вдруг исчезло все!

Осталась лишь тёмная пропасть. Нервы Левина окончательно сдали. Винтовка дёрнулась в его опытнейших руках и выстрелила.

Массивная пуля «Спрингфильда» (специальная, сверхточная, золотая в медной оболочке) ушла по направлению к ресторану, пронзив газету, которую неизвестный комком воткнул в щель приспущенного стекла.

«Ё... Бл... Хе...», – Карла заклинило так, что он даже выматериться не смог.

Отпрянув от прицела, он уставился на газету.

И тут его прошиб пот. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: такие газеты в такие моменты так просто не появляются.

Кто-то помешал Карлу выстрелить. И этот кто-то был серьёзным противником.

«Выходит, он проследил весь мой путь, – с ужасом подумал Карл, – выбрал момент и лишил возможности стрелять. Причём сделал это очень вовремя. Ни секундой раньше, ни секундой позже.»

Карл осмотрелся и вытолкнул газетный комок из оконной щели. Вокруг машины никого не было. Сердце киллера бешено колотилось. Что будет дальше? Не уберут ли сейчас же его?

Он бросил взгляд в сторону ресторана, проследив глазами за «Мерседесом», с визгом разворачивающимся перед входом. За рулём машины сидел Архангельский. Рыжеволосая блондинка восседала на пассажирском сидении и энергично крутила лохматой головой.

Вихрем пронёсся её «Мерседес» мимо Левина, застывшего в недоумении.

«Что это было? – подумал Карл. – И как мне быть?»

Вскоре Карл принял решение. Он ловко, за несколько секунд, разобрал винтовку, уложил её в тайник, вернулся на водительское кресло.

«Я сойду с ума, – подумал Карл, срывая с места свой джип. – Этот Архангельский меня доканает».

Глава 4

Я нажала на газ, «Мерседес» ветерком понёлся по шоссе – вдали показалась призывная вывеска ресторана и...

«Боже! Что будет с Марусиным подарком!» – мелькнула мысль. Её тут же вытеснили дальнейшие события: визг тормозов и едкий запах горячей резины покрышек. Моих покрышек!

Прямо от дверей ресторана, в котором отмечалось торжество Маруси, рванул, лихо набирая скорость, пижонский, сверкающий лаком красный «Альфа Ромео». У водителя этой игрушки явно образовались срочные дела. Все равно мог бы и уступить даме, раз она (пусть и вопреки правилам) прицелилась парковаться рядом с машиной, украшенной свадебными лентами. Да, я злостно пересекла сплошную осевую линию и выехала на встречную полосу, но это ещё не повод, чтобы на бешеной скорости врезаться в мою новенькую машину...

Черт! Врежусь, похоже, я!

– Идиот! – это все, что услышал от меня нахал.

Дальнейшее произошло слишком быстро, чтобы я могла этому помешать. Визг тормозов оборвался одновременно с ударом. Мощный бампер «Мерседеса» погрузился в правый борт шустрой итальянской таратайки и принялся толкать её к тротуару.

«Вот, что значит немецкое качество!» – с глубочайшим чувством превосходства, несмотря на бесспорное горе, каким-то образом порадовалась я.

В это мгновение «Альфа Ромео» оказалась надёжно прижатой к бордюру, и всякое движение прекратилось. Я видела, что протараненные мною водитель и пассажиры выглядят не совсем мёртвыми, но и не слишком живыми...

Впрочем, о них я не беспокоилась, поскольку на таких скоростях жертвы большая редкость. Боюсь показаться эгоисткой, но все переживания мои направились к моему дорожному (во всех смыслах) автомобилю.

Мой новый «Мерседес»! Мой красавец! Они изуродовали его, мерзавцы!

Вихрем вынесло меня из машины. Раны моего любимца стонали. Я немедленно должна была осмотреть разрушения, причинённые тому, что в последнее время некоторым образом заменяло мне утраченного мужа.

«Мерзавцы заплатят мне за все! За все мне заплатят, как бы неправа я ни была!» – сразу решила я, а это главное.

Главное правильно себя настроить, тогда все получится. В моей жизни обычно получается так, как я решу, конечно, если успею надлежаще себя настроить. Вот с мужем не успела, расслабилась и результат не заставил ждать – развод и девичья фамилия.

«...И моральный ущерб возместят. В страховой компании заявлю, что из-за них погиб свадебный подарок стоимостью в пять, нет в пятнадцать тысяч долларов... А Маруся?! Как она расстроится! Это тоже надо мне как-то возместить.»

Я глянула на машину и с трудом удержалась на ногах. Так и есть, не избежать тяжбы! Бампер «Мерседеса» оказался безнадёжно изуродованным. И фара, левая фара моего любимца треснула! Трес-ну-ла!

Слезы навернулись на глаза. Я уже и о свадьбе забыла, как, впрочем, и о Марусе, и о муже моем, подлом Женьке... Да что там о мелочах! Такое горе! Такое горе!

На какое-то мгновение я выпала из реальности, безмолвно застыв у своей машины. Впервые в жизни у меня не нашлось слов. Очнулась от энергичного голоса... Архангельского.

– Сматываемся, Соня! – рявкнул он и волоком потащил меня к открытой двери «Мерседеса».

Из «Альфа-Ромео» высыпали пассажиры и «чисто конкретно» разразились неопишным матом, в котором оказалось возмутительно много угроз. Любые угрозы, как и возражения, отчего-то действуют на меня как красное на быка. Я сделала стойку, но Архангельский неожиданно плюхнулся за руль моего автомобиля и рывкнул:

– Поехали!

Мне стало интересно – куда?

К тому же в руках у пассажиров «Альфа Ромео» появились стволы, что добавило скорости моей мысли.

«Надо ехать,» – подумала я, прыгая на пассажирское место.

Едва я коснулась сидения, Архангельский задним ходом рванул «Мерседес», роня куски бампера на дорогу. Дверцы на лету захлопнулись, автомобиль с визгом развернулся и устремился по улице, вливаясь в поток машин. Но ещё до того как это произошло, мимо моего уха что-то тоненько просвистело и мерзко чмокнуло, оставив на сидении круглую обожжённую дырочку.

– Мерзавцы, – возмутилась я. – Они же испортили мне сидение. Натуральная кожа...

– Соня! – взмолился Архангельский. – Уймись, не до сидений сейчас. Шкуру могут попортить!

И тут я по-настоящему разозлилась. Просто рассвирепела.

– Черт возьми! – закричала я. – Что здесь происходит?! Еду на свадьбу и вдруг обнаруживаю, что жених пытается смыться прямо из-под венца, да ещё с кем? С какими-то гоблинами! С головорезами! Бедная моя Маруся! Как неудачно осуществилась её мечта!

Приятно было лишь одно: упоминание Маруси произвело на Архангельского волшебное действие. Он резко рванул руль влево и, нещадно паля мою резину, развернулся. Вызвав панику среди относительно дисциплинированных водителей, он устремился...

Куда? Представить страшно! К ресторану, от которого секундой раньше столь же резво удалялся. К Марусе! К невесте! Храбро! Не взирая на погоню! Не страшась гоблинов! Под пули! Настоящий герой!

Или гоблины для него просто тьфу в сравнении с его бесподобной Марусей?

Архангельский, жадно уставившись на дорогу, мазохистски гнал мой «Мерседес» к предмету своих мучений (и будущих и настоящих, раз уж он связался с Марусей), я же страдала за подарок и причёску.

Однако, путь наш оказался тернист. Жалкий и скособоченный, но все же не потерявший резвости «Альфа Ромео» мчал нам навстречу.

Я зажмурилась и подумала: «Это конец! Сейчас прострелят и второе сидение!»

И сразу же мелькнула надежда: «А может пронесёт? Может не заметят? Мало ли на улицах нашей нищей страны новеньких „Меседесов“? А уж в Москве их больше, чем в самой Германии. Конечно пронесёт,» – решила я.

Но не пронесло. Заметили. Проскочив мимо, кособокая «Альфа Ромео» лихо исполнила полицейский разворот, распугав мирных автолюбителей.

«Ну-у, началось!» – внутренне сжалась я.

Мир померк, настроение резко ухудшилось. Одна радость: преследователи не обошлись без потерь. Подвернувшаяся «Волга» въехала-таки им в заднее крыло, оторвала бампер. Он с грохотом покатился по асфальту.

«С нами будет гораздо хуже, если не удерём,» – обречённо подумала я.

«Альфа Ромео» тем временем, взревев, набрала скорость и устремилась в погоню. Думаю, было слышно за версту визг и грохот металла крыльев, цепляющихся за бешено вращающиеся колёса.

Я нервно вздохнула и уставилась на Архангельского.

– Надежда только на тебя, – пряча ужас, хладнокровно сказала я. – Не подведи. Вспомни, как хвастал какой ты ас.

– Не подведу, – буркнул Архангельский, уходя в обгон на встречную полосу и тут же мастерски просачиваясь на свою между «Жигулем», идущим навстречу, и «Москвичом», мчащем в нашем ряду.

Какой молодец! Кто бы мог подумать, что Марусин Иван, этот Архангельский, способен на такое?

Он действительно не подвёл: виртуозно впихивал мой бедный «Мерседес» в малейшие промежутки между машинами, петлял и выныривал, творил возможное и невозможное. Он только что не расталкивал автомобили изуродованным бампером. И все-таки ни разу ни с кем не столкнулся! Впрочем, я слишком громко переживала за свой «Мерседес».

Назойливая «Альфа Ромео» тем ни менее не отставала. Все время маячила поблизости, давая о себе знать визгом металла, трущегося о резину.

Я нервно крутила головой, пытаясь одновременно увидеть и то, что спереди, и то, что сзади. Порой мне это удавалось.

«Ещё немного, – с надеждой думала я, – и мы сбросим эту консервную банку с хвоста.»

Однако, вскоре выяснилось, что двигаясь с предельной скоростью и презревая все опасности, мы никуда не едем. Точнее, едем по кругу. Мы, конечно, удирали от преследователей, без этого никак нельзя, но и не приближались к Марусе.

Короче, жених кружил по району, в центре которого его ожидала собственная свадьба «прямо со всей невестой» во главе. Этому, похоже, конца не предвиделось. Утратив свежесть, букет и подарок – он-то уж точно разбился – я изрядно охладела к свадьбе, но из любви к порядку напонила:

– Ваня, ты как честный человек должен бы и жениться.

– Да помню, – досадливо отмахнулся Архангельский, – но не вести же с собой незваных гостей.

И он кивнул на гоблинов, телепающихся за нами.

– Да-а, – пригорюнилась я и с возмущением оглянулась.

И тут раздался рёв милицейской сирены, преследователей как корова языком слизала. «Альфа Ромео» мгновенно сошла с дистанции. Однако Архангельского даже это не обрадовало. Его явно терзали горькие мысли.

– Соня, ты вот что, ты, пожалуй, это, – конфузясь промямлил он.

– Что – это? – сердито осведомилась я.

– Да Машеньке про всю эту заморочку лучше, наверное, не говори.

Я насторожилась и сразу полезла на заднее сидение, где лежали букет и подарок. Букет, естественно, помялся, коробка с подарком подозрительно звенела, хотя звенеть ей ни в коем случае не полагалось.

– Про какую заморочку идёт речь? – зверея, воскликнула я.

Думаю нет смысла описывать интонации моего голоса, там хватало всего: и возмущения и угроз.

Архангельский окончательно заробел, смахнул со лба пот и взмолился:

– Сонечка, ей бы в такой день да ещё про это не надо бы знать.

– Ха! – воскликнула я, разумеется, без всякой радости. – Как раз в такой день узнать про все про это ей и будет полезно.

– Соня!!!

Не могу передать отчаяния, выплеснутого в этом вопле. Сердце моё смягчилось, но что делать с подарком? Да и я не в лучшем виде. Женька с Юлькой, как два голубка, нарядные и счастливые сидят за свадебным столом, и тут вваливаюсь я с разбитым подарком и с остат-

ками красоты, утраченной в общении с мерзкими гоблинами. А Женька и Юлька с обидной жалостью смотрят на меня?!

Что я могу противопоставить их счастью? Осколки подарка и остатки себя? Господи! Как вспомню, что в моем сидении дырка, а бампер помят – жить не хочется!

– Нет! – отрезала я. – Ты, Ваня, как знаешь, а я врать не привыкла!

Он (какая наглость!) искренне изумился:

– Ты? Не привыкла врать?

– Абсолютно, – заверила я. – Потому что совсем врать не умею!

– Неужели разучилась, – расстроился Архангельский и добавил: – Как не вовремя, теперь Маруся меня убьёт.

«Маруся может, – подумала я. – Если что не по ней, она сразу звереет, а с её габаритами это опасно. Но с другой стороны, как здесь её осуждать? Только начала сбываться мечта, а жених взял и сбежал. Я бы тоже, пожалуй, убила. Обижаться в таком случае совсем не продуктивно.»

– Хорошо, – согласилась я, – промолчу, но лишь с условием, что ты всю правду мне расскажешь.

Архангельский запаниковал.

– Какую правду? – закричал он.

– Кто эти гоблины? Чего от тебя хотели? Почему ты от них убежал?

Сами догадываетесь, вопросов образовалась уйма. Секундой позже я узнала, что ответов будет гораздо меньше, точнее не будет вообще.

– Сам ничего не понимаю, – только и буркнул Архангельский.

Я опешила:

– Не хочешь ли ты сказать, что сел в эту «Альфу Ромеу» почему не знамо сам? Ха! Да ещё прямо от свадебного стола? Ха! Да ещё в жениховском костюме? На разборки?

– Какие разборки? Куда сел? Меня схватили и силой затолкали в машину.

Кто видел Архангельского, тот поймёт: предположить силу, большую чем у него, крайне трудно. Теряюсь в догадках, кто рискнул бы тягаться с ним. Разве что Маруся. Когда пьяна.

– Соня, их было трое, – заметив мои сомнения, пояснил Архангельский. – К тому же налетели внезапно. Сначала я думал, что это новый розыгрыш устроили или обряд, ну, сама знаешь как это бывает на свадьбах, то перетягивать какие-то канаты надо, то что-то рвать зубами заставят, то кошку куда-то кидать, то ещё какая фигня, то выкупать что-то требуют.

– Не что-то, а невесту, – уточнила я.

– Во-во, поэтому сразу и не удивился, когда подлетели эти лбы и вязать меня начали. Поначалу даже и не сопротивлялся, чтобы не помять костюм. Маруся сильно этого не любит. Поначалу даже сам шёл, а они, смотрю, грубые, наглеют...

– Вот и раскидал бы их!

– Но я-то подумал, что это все в порядке вещей, свадьба же.

Я покрутила пальцем у виска:

– Вот именно, что свадьба, куда же гости, черт их возьми, смотрели, когда вязали тебя? Куда Маруся, наконец, смотрела? Ха! Прямо от свадебного стола увели жениха, а эти гости, эти лопухи, и в ус не дуют! Ладно ты им ни к чему, так о себе бы подумали: кому они «горько» будут кричать? Интеллигенты же все, не пьют без повода.

– Не знают гости ничего, – почему-то рассердился Архангельский. – И не узнают, если ты им не расскажешь. Я в холле был, как раз на воздух шёл.

– Зачем?

– Покурить маленько.

Он вдруг смутился и совсем тихо пробурчал:

– Пацпались мы с Марусей.

Тут надо сказать, что пережить осуществление заветной мечты не просто любому человеку, а уж такому эмоциональному, как наша Маруся, тем более. Мечта, занимавшая в жизни изрядный объём, сбываясь, образует опасную пустоту, которая сразу же наполняется грустными вопросами. Зачем жить? Куда теперь стремиться? Как тратить образовавшийся излишек времени? И т. д. и т. п.

Маруся от этих вопросов начала выходить из равновесия прямо на глазах, занервничала и даже похудела. Думаю и Ваня её уже почувствовал охлаждение. Ха! Охлаждение! Неделю до свадьбы они грызлись, как собаки. Так, орамши, под венец и пошли с надеждой, что образуется.

По этой причине меня не удивило, что Архангельский в разгар свадьбы отправился подальше от невесты на воздух покурить.

– Если так, – сказала я, – так в чем тут дело? Маруся думает, что ты все куришь. Отсутствовал ты не слишком долго, она может и не хватилась, сидит, одна поздравления принимает, сама с собой под «горько» целуется.

– Издеваешься? – с укором спросил Архангельский. – В тот-то и загвоздка, что видела она как лбы меня уводили. Выскочила в холл, я ещё глянул на неё, мол, ничего не поделаешь, обряд есть обряд.

– А она что?

– Махнула рукой, а потом показала кулак. Теперь-то уже понимаю, со стороны это выглядело так, словно я в обнимку с друзьями куда-то слинял.

– И по ходу пьесы изуродовал мой «Мерседес». И чего от меня ты хочешь? – скептически поинтересовалась я.

Архангельский взглянул с мольбой и жалобно попросил:

– Соня, ты же умная, придумай что-нибудь сама.

Когда речь заходит о моем уме, мгновенно слабею.

– Хорошо, – смилостивилась я, – придумаю, рассказывай все свои заморочки.

Архангельский оторопел:

– Какие заморочки?

– Ну дела или что там у тебя. Короче, все, что может иметь к этим гоблинам отношение. Рассказывай, дорогуша, куда вляпался и поподробней.

Он помотал головой и с явной искренностью сообщил:

– Никуда я не вляпывался.

– Что, и сомнительных дел никаких не было?

– Кроме этой свадьбы, никаких.

– Так зачем же хватали тебя?

– Сам голову ломаю. Может перепутали с кем?

Я пришла в отчаяние и закричала:

– Не хочешь ли ты мне сказать, что нет вариантов узнать с кого спросить за «Мерседес»?

От удивления Архангельский даже руль на мгновение бросил, но тут же снова управление взял и с укоризной сказал:

– Соня, побойся бога, твой «Мерседес» просто картинка в сравнении с их «Ромевой». К тому же в аварии повинна ты.

Но я уже не слушала его, я кричала:

– О, ужас! Ужас! Изуродован мой автомобиль и спросить не с кого! Как, по-твоему, этих гоблинов теперь буду искать?

– Не волнуйся, – успокоил меня Архангельский, – ты так над ними постаралась, что они сами тебя найдут. Им же тоже с кого-нибудь за машину спросить захочется. Так ты не сдашь меня Марусе? – ни с того ни с сего он вдруг вернулся к своим проблемам.

Я уже страдала о подарке и не имела возможности отвечать. Мой подарок! Антиквариат! Чистейший фарфор! Сколько в нем тайлось замыслов! Сколько моих горьких надежд!

– Женька понял бы все, когда бы я вручила подарок Марусе! – рявкнула я. – А что теперь я вручу? Осколки?

Архангельского моё заявление озадачило.

– А что ты собиралась Марусе дарить? – растерянно спросил он.

– Часы! Семнадцатый век! В чу-дес-ней-шем состоянии! С потрясающим боем! Тончайший фарфор! Обалденный изыск!

– Часыыы? Фарфоровые часы? И что же должен был из этого понять Евгений?

– Все! Как мне больно! Как мне плохо! Как люблю его! Как много он хорошего забыл! Все-все-все!

Архангельский вошёл в очень сложное состояние, передать которое невозможно только словами. Я же, дивясь его бестолковости, пояснила:

– Это совсем просто для чуткой души, понимаешь, ассоциации, связанные с подарком. «Старинные часы ещё идут...» «Приезжай хоть на денёк, приезжай хоть на часок...» И так далее, продолжать могу до бесконечности. В этом подарке заключалась моя исповедь, не зря же я такие деньги отвалила.

– Но что же будет со мной? – взмолился Архангельский.

Боже, какой эгоизм! Я ему про горе своё талдычу, а он мне все про Марусю! Впрочем, у него тоже горе, раз он решился на ней жениться.

– С тобой совсем просто, – заверила я. – Скажешь, что прямо у входа в ресторан Сонька попала в аварию, а ты помогал улаживать её, то есть мои дела. Обманывать Марусю одно удовольствие, только этим и занимаюсь всю жизнь.

Архангельский посмотрел на меня как на гуру – с огромным уважением и пытливым завистью.

– Мне почему-то это плохо удаётся, – признался он и тут же ободряюще добавил: – А о «Мерседесе» ты не беспокойся. Он же застрахован.

– Но инициатор аварии я.

– Но «Альфа Ромео» скрылась с места происшествия. Её будут искать и найдут, номер я запомнил. Если головопяточные заартачатся, в твою пользу будет свидетельствовать вся наша свадьба. Дело решится так, как надо тебе.

– Ваня, – изумилась я, – ты что, этих гоблинов совсем не боишься?

Он посмотрел на меня, как на неразумного ребёнка.

– Соня, клянусь, это ошибка.

Я посверлила его взглядом:

– Ошибка?

– Ошибка и ничего более. Головопяточные по запарке перепутали меня с каким-то крутым, обедавшим в том же ресторане.

– Уверена, что гоблины умом не блещут, но и не конченные же кретины они, – усомнилась я. – Как-то ведь выживают в нашем сложном мире.

– И на старуху бывает проруха, – ответил Архангельский и с невиннейшей улыбочкой спросил: – Ты что, всерьёз думаешь что я способен сотворить нечто такое, из-за чего целая банда палит из стволов в центре Москвы?

Нет, такого впечатления Марусин Ваня не производил.

– Кстати, гоблинов должна уже бояться ты, – с необъяснимым чувством превосходства сообщил Архангельский.

– Я?!!

– Ну да, ведь это ты разбила их машину. И вообще, Соня, ты так не вовремя в это дело встряла.

Вот она человеческая благодарность! О, люди! Порождения крокодилов!

– И это говорит мне тот, кого вот только что от верной гибели спасла? – возмутилась я.

Архангельский (ну и наглец!) снисходительно усмехнулся:

– От какой гибели, Соня? Разобрались бы, что я не тот, кто им нужен, и отпустили бы.

– Так почему же тогда ты от них удирал? – спросила я, глядя как он подруливает к ресторану.

– С перепугу, – признался Архангельский. – Передать не могу, Соня, в какой впал мандраж, когда в машину меня затащили.

– А теперь? – ядовито поинтересовалась я.

– А теперь в себя пришёл и сразу понял, что все это чепуха. Теперь я абсолютно спокоен.

– Ничего, сейчас с тобой приключится новый мандраж, пошли к Марусе.

Глава 5. Оранжевое безумие

Военный полигон «Гарант».

Забайкалье.

Июнь 1988 г.

Генерал Калягин приник к стереотрубе. Мощная оптика придвинула, вырвала из однообразного пейзажа аккуратные брустверы далёких окопов. В полуденном мареве плывущего в линзах воздуха Калягину почудился блеск примкнутых штыков надёжно укрывшейся в земле пехоты.

Генерал оглянулся на притихших офицеров штаба. Решительно рубанул рукой,скомандовал:

– Начали!

Все ожило. Понеслись по проводам отрывистые команды. Эфир заполнили транслируемые на КП параметры готовности.

Неподалёку от блиндажа генерала чудовищная сила подняла и сдвинула массивную бронеплиту, прикрытую грунтом и пожухлой травой. Медленно выдавилось гидравликой из таинственной черноты образовавшегося провала фантастическое сооружение, устремлённое ажурными сверкающими решётками в сторону далёких окопов.

Генерал глянул на связиста, приникшего к мощной радиостанции. Недовольно приказал:

– Вывести связь на громкую.

Солдат щёлкнул тумблером, и блиндаж наполнился командными голосами офицеров.

«Пульт управления один: фиксация системы завершена...»

Энергетический блок: напряжение восемьдесят процентов от номинала...

Блок частотной модуляции: полная готовность».

Генерал Калягин удовлетворённо вслушивался в чёткие доклады начальников служб пока, наконец, не услышал завершающее:

«Готовность всех систем – сто процентов!»

И сразу же вслед за этим:

«Второй – первому: прошу команду на установку мощности».

Связист тут же передал генералу микрофон. Калягин, не задумываясь, приказал:

– Тридцать процентов. Градиент полмегаватта в час. Расчётное время сорок минут.

Мгновенно рокочущий голос «второго» продублировал:

«Тридцать процентов мощности на излучатели! Полмегаватта в час. Вывод на номинал – сорок минут.»

И почти без перерыва:

«Спецконтингенту покинуть окопы. Имитировать атаку цепями. Дистанция шесть метров. Каждому третьему использовать защитное изделие ДАД-1. Каждому шестому остаться в окопах. Бригадам медиков выдвинуться на рубеж излучателя. Выполнять!»

Генерал Калягин, внимательно вслушиваясь в команды своего заместителя, не отрывал глаз от установки, от её сверкающих ажурных конструкций.

В который раз подумал:

«Почему конструкторы назвали установку: изделие „Аист“? Может из-за единственной трубчатой опоры, поддерживающей излучатели?»

Спустя минуту по многочисленным зеркальным поверхностям «Аиста» заметались блики оранжевого огня. Пляска огненных всполохов ускорила и...

Из недр фантастического устройства вырвался иглоподобный слепящий оранжевый луч, устремлённый к невидимым ещё атакующим цепям!

Генерал вновь приник к раструбу стереотрубы. Оптика придвинула к нему цепи солдат. Дистанция соблюдалась безукоризненно. Бойцы, двигаясь с оружием наперевес, чётко имитировали атаку. Шли размеренным шагом. Голову каждого третьего венчал необычный сверкающий шлем, украшенный ярким оранжевым забралом, прикрывающим глаза.

Генерал бросил взгляд на излучатель. Тонкий оранжевый луч потерял игловидную стройность, расфокусировался. Диковинные конструкции укрылись за непроницаемым слепящим туманом оранжевого пламени. Луч, ставший мягким и ласковым, методично обласкивал видимую уже невооружённым глазом пехоту. Он метался от края до края полигона, с каждой минутой обретая силу и яркость.

Калягин, зачарованный фантастическим зрелищем, не мог оторвать взгляда от оранжевого огня, сверкающим туманом охватившего установку. До него отчётливо доносилось деловитое повизгивание электроприводов, осуществлявших движение укрытого чарующим огнём Аиста. И тут...

Нестерпимая боль, зародившись где-то в районе ключиц, начала винтовым прессом скручивать позвоночник, проникла в голову, почти мгновенно освоилась там и овладела мозгом, стала нечеловеческой.

– А-а-а-а-а-а-а-а-а... – по-звериному закричал генерал, теряя сознание.

Ординарец, подхватив его бесчувственное тело, тут же опустился на землю сам, уронив командира. Почти одновременно с ними рухнули, стиснув ладонями головы, остальные офицеры штаба. Лишь связист, на миг оторвавшийся от своего радио, увидев жутковатую картину, успел крикнуть в микрофон:

– Врача на КП-1! Срочно! Срочно! Первому нужна помощь!

И сразу упал, и покатился по бетону блиндажа, издавая страшные, нечеловеческие звуки.

Но медики беспомощно приникли к земле, им самим нужна была помощь.

Впрочем, там помощь уже никому не была нужна.

Поредели и цепи пехоты, прошедшей лишь малое расстояние от своих окопов до зловещного излучателя.

А «Аист» продолжал упорно метать смертоносное оранжевое пламя в сторону обезумевших от боли солдат. Многие из них падали, чтобы не подняться уже никогда.

* * *

В кабинете начальника Генерального штаба зазвенел аппарат спецсвязи. Голос солдата телефониста сообщил:

– Товарищ маршал, вас «по уколу» полигон «Гарант».

– Слушаю, – откликнулся маршал.

Голос в аппарате сбивчиво доложил:

– Товарищ маршал, докладывает начальник особого отдела полигона «Гарант» полковник Стрелецкий. Установка «Аист» вошла в нештатную ситуацию. Среди личного состава имеются жертвы. Генерал Калягин погиб. Установка самоуничтожилась.

Помрачневший маршал не задал ни одного вопроса. С минуту помолчав, он приказал:

– Полигон надёжно оцепить. Систему энергопитания ввести в дежурный режим. Создать комиссию из числа офицеров полигона. Я пришлю своих представителей. Все.

Маршал опустил трубку на аппарат и нервно закурил.

Глава 6

Свадьба Маруси, как все и предвещало, произвела на меня гнетущее впечатление. Радовало только одно: Женька с Юлькой не выглядели голубками. Как Юлька ни старалась, как ни вешалась на него, он вёл себя благородно и сохранял к ней щадящие меня холодность и отстраненность.

Юлька скрипела зубами, но и мне было нелегко – душа кровью обливалась, а перед глазами стоял изувеченный «Мерседес». Да и с часами ничего не вышло, – не дарить же черепки. Да и вид у меня был неважный. Да и бриллиантов моих не заметил никто. В общем, все, что я задумала, не состоялось.

Непонятно зачем я вообще попёрлась на дурацкую свадьбу эту?

Впрочем, альтернативы не было. На эту свадьбу даже Тамарка пришла, которая не разговаривала с Марусей лет эдак двадцать, не меньше.

Да-а, почти двадцать лет Маруся и Тамарка ненавидят друг друга лютой ненавистью, но при этом Тамарка кто угодно, но только не клятвоотступница. Потому она на свадьбу и пришла, что ещё на детсадовском горшке Марусе нашей страшной клятвой поклялась придти на её первую свадьбу. Чтобы ни случилось, но придти. Мы все в этом поклялись, потому такая огромная свадьба и получилась.

Огромная и бестолковая. Настоящий бедлам. И посередине этого бедлама смущённый Ваня и счастливая Маруся.

Я сидела как дура, вроде тоже «горько» кричала, а в голове всего две мысли: бедный «Мерседес» и сволочь Женька!

Остальное вариации на все ту же тему. Не мозги, а дикий рой.

Кошмар!

В такой обстановке подходяще было бы выпить, как сделали это Тося, Роза, Люба, Лариса, Маруся, Юлька и Тамарка. Да и все остальные.

Но и выпить я не могла, потому что решила держать хвост пистолетом и не давать друзьям повода обсуждать тяготы моего одиночества. Горе-то действительно огромное и запить тут есть от чего. Все от меня этого и ждут, особенно Юлька.

Вот поэтому и приехала я на «Мерседесе», чтобы случайно не забыться и лишний бокальчик шампанского не пропустить. Стоит выпить хоть чуть-чуть, остальное добавит молва. А тут уже и разговоры: ах, Мархалева тоскует, ах, Мархалева спивается, похожа стала на крокодила...

Кстати, этого-то я и боюсь больше всего. Уж не знаю почему, может это патология, но внешность моя всегда чрезвычайно занимала меня. Как только к зеркалу подхожу, так сразу на себя смотрю, но речь не о том. Нет уж, решила я, собираясь на свадьбу, пить буду только лимонад.

И пила, потому и заснуть никак не могла из-за страшной головной боли, чего не случилось бы, пей я шампанское без ограничений. После шампанского заснула бы прямо на ходу, если бы, конечно, идти смогла б.

В общем, долго мучалась я, вернувшись со свадьбы домой, вздыхала, ворочалась... Перед глазами стояли то разбитый «Мерседес», то мужественное Женькино лицо, почему-то совсем родное, несмотря на обиды, несмотря на стерву-Юльку. Так в мучениях незаметно и заснула.

Заснуть-то заснула, но недолго проспала. В пять утра раздался телефонный звонок. Сняла трубку и услышала невероятный рёв:

– Старушка-ааа! Срочно приезжа-аай! Он меня броси-иил! Прямо всю взял и броси-иил!

– Как? Уже? – поразилась я.

Вы сразу поняли, это была Маруся.

– Почему – уже? – удивилась она.

– Почему? – переспросила я. – Потому! Не думала, что это произойдёт так скоро.

Маруся ответила мне нечеловеческим рёвом.

– О-оочень скоро, о-оочень скоро, практически мгновенно-оо, – сквозь этот рёв приговаривала она. – Срочно, срочно приезжай.

Я с изумлением заметила, что речь её как-то шепелява и невнятна.

– Маруся, что с тобой? – испугалась я. – Надеюсь он зубы тебе не выбил?

– Не-еет, зубы на месте, я ими колбасу жую-юю!

Это невероятно! Умирает от горя, ревет белугой и одновременно жуёт колбасу. Вот это аппетит! Вот это Маруся! Порой мне кажется, она и в гробу будет жевать, если только когда-нибудь вообще (не дай бог) умрёт. Уж я-то этого не увижу, так сильно сокращает мне жизнь она.

– Хорошо, – сказала я, – Маруся, у тебя горе, это нормально, но почему ты мне звонишь? И почему именно я должна нестись к тебе среди ночи? Что, не нашла никого другого? Вспомни, у тебя же полный город друзей. Позвони хотя бы Розе, а ещё лучше – Тamarке, раз уж вы с ней на брудершафт весь вечер пили. Да, позвони Тamarке, освежи вашу дружбу, а то она проспится и забудет, что с тобой помирилась.

– Не-её, Тamarке звонить нельзя, и Розе нельзя, им всем нельзя, – просветила меня Маруся.

– Эт-то ещё почему? – возмутилась я.

– Потому, что они счастливые, и все остальные счастливые, только мы с тобой брошенки.

Я очень гордый человек – мне сразу захотелось её убить.

– Еду! – воскликнула я.

Видимо слишком воинственно воскликнула, потому что Маруся поспешила оправдаться:

– И потому, что ты единственная пила лимонад. Остальные пьяны влежку.

– Я надеялась, что и ты пьяна.

– Так и было, – всхлипнула Маруся, – но после того, что я ляпнула Ване, сразу протрезвела.

И тут же она зарыдала пуще прежнего:

– Старушка-аа! Приезжа-аай! Прямо вся приезжай! Поскорей! Поскорей!

Я поехала, а куда деваться?

* * *

– У меня сердце болит! У меня голова болит! У меня все болит и только потому, что ты внезапно меня разбудила! – закричала я Марусе с порога.

Она, стоя в шлёпанцах и в свадебном платье, ответила мне рёвом, причём старалась заглушить, но заглушить меня не просто. Я продолжила с ещё большим энтузиазмом.

– Что, ты, болезнетворная, такое страшное сказанула бедному нашему Ване в первую брачную ночь, что он убёт, несчастный, утра не дождавшись? – грозно спросила я.

– Сказала только, что он иждивенец и ничтожество-ооо! – скорбно проревела Маруся.

Я задохнулась от возмущения. И это первая брачная ночь? Не пойму, о чем всю жизнь мечтала Маруся? Господи, завидую тому, кто не видел её подвенечного платья!

– Глупая! – завопила я. – Ты что, не могла эту информацию сообщить в другое, более подходящее время? Тебе что, так нетерпелось сразу ему глаза открыть? Как ты представляла дальнейшее? Кто после такого сообщения сможет исполнить супружеский долг? Супружеский долг!!! А не какой-то там тривиальный секс! Не к этому ли ты всю жизнь стремилась, так зачем испортила все?

Только не подумайте, что я ограничилась таким ничтожным количеством вопросов. Конечно же я их бездну Марусе задала, на что она тут же осушила глаза и гневно мне ответила:

– Е-пэ-рэ-сэ-тэ! Старушка! Ты предлагаешь мне прямо всей молчать? Молчать, когда этот дармоед, паразит, этот упырь, вампир, вурдалак пьёт мою кровь? Не-еет! Я прямо вся молчать не могу! Столько готовилась! Так потратилась! Так потратилась! Знаешь во что обошлась мне свадьба?

– Думаю влетела в копеечку, – предположила я, вспоминая свадебный стол и сожалея, что сижу на диете. – Но Ваня этого не хотел, насколько помню, он был против таких затрат.

Мой невинный ответ просто взбесил Марусю. Она поставила свои громадные кулаки на свои крутые бока и грозно пошла на меня. Молнии и стрелы метали её глаза. Признаться, я даже струхнула и подумала: «Зачем приехала, дура? Лежала бы себе в постели. Не доведёт меня до добра любопытство.»

– Да-аа! – взревела Маруся. – Ваня был против! Он прямо весь был против! Потому что вместо свадьбы хотел обновить свою колымагу! Новую машину ему подавай! Ха! Паразит! В моей квартире за мой счёт живёт, с работы на работу скачет да ещё хочет тайком жениться, расписаться как хорёк, втихорцах да чтоб никто не заметил. Зачем нам свадьба, Марусенька! – передразнила она Архангельского и смачно сплюнула. – Тьфу! Терпеть ненавижу! Ничтожество и паразит!

Я с ужасом смотрела на Марусю и думала: «И ведь это все, слово в слово, она повторяет мне из монолога, от которого удрал Архангельский. Вот же глупая! Зачем тогда свадьбу играла? Чтобы разоблачить жениха в первую же брачную ночь? Эх-хе-хе, плакали её денежки, уж лучше бы купила мужу новую машину.»

– Маруся, – спросила я, – какая муха тебя укусила? Ты что, лишь этой ночью узнала, что он ничтожество и паразит? Считаю три года кормишь его и радуешься, что он за твои же деньги шубы тебе покупает. Вспомни, как все мы против были. Чуть ли не с улицы его взяла, сразу в свою квартиру поселила, доверила ключи...

– А-ааа! – закричала Маруся. – Ключи! Я же уволокла ключи от буфета!

– Что? – опешила я.

Она глянула на часы и схватилась за голову:

– Е-пэ-рэ-сэ-тэ! Уже шесть! Как же Клавка без ключей торговать будет? Прямо вся меня убьёт!

Маруся метнулась к шкафу, с минуту лихорадочно рылась в сумке, нашла ключи и тут же прямо в свадебном платье и шлёпанцах попыталась выскочить из квартиры. Лишь чудом её удержала:

– Куда ты, оглашённая? Переоденься.

Маруся глянула на себя, буркнула «спасибо, старушка,» и понеслась переодеваться.

«Хоть какая-то польза от моего приезда, – удовлетворённо подумала я. – Клавка получит ключи и наторгуется вволю в буфете.»

– Старушка, только смотри никуда не уезжай, – крикнула из спальни Маруся. – Я скоро вернусь и все тебе расскажу. Прямо вся хочу посоветоваться как мне дальше жить. Слышишь, старушка?

– Да слышу-слышу, – откликнулась я.

– Клянусь, я быстро: одна нога здесь, другая там. Обещай, что прямо вся дождёшься, слышь, старушка? Мне очень надо поговорить. Обещаешь?

– Да обещаю.

– Вот и молоток, – обрадовалась Маруся. – А ты пока видик посмотри.

– С ума сошла? – возмутилась я. – Сон посмотрю лучше. И двух часов не поспала, как ты меня с постели стащила.

– Правильно, прямо вся и поспи, – одобрила Маруся.

Так я сразу же и поступила, едва за ней захлопнулась дверь. Отправилась в спальню и прилегла на ложе новобрачных, кстати, даже не разобранное и украшенное дорожным покрывалом. Всю ночь покрывало на кровати пролежало, а лежать бы там Ване и Марусе. Вот как некоторые люди проводят первую брачную ночь.

«Добрачные ночи у них веселей были,» – подумала я да с этой мыслью и заснула.

Крепко заснула на удобной Марусиной кровати и увидела прекрасный сон. Мой Женька легко, как ребёнка, нёс меня на руках по бескрайнему зеленому лугу и так мне было хорошо. Столько нежности и тепла исходило от моего мужа...

Во сне он был только моим, ни о какой Юльке и помину не было.

Евгений нёс меня по лугу и целовал, целовал, целовал...

Ах, как это было приятно, как счастлива я была, как покойна...

– Женя, ты любишь меня?

Он ласково заглянул мне в глаза и собрался ответить, ответил даже, но вдруг загремевший гром заглушил его голос.

И все!

И сплошная тьма!

Удушливая!

Невыносимая!

Я вскочила с кровати – пот градом, сердце бешено колотится... Вскочила, но ноги подкосились, и я снова упала на кровать, подумала: «Чего, глупая, испугалась? Это всего лишь хлопнула дверь, Маруся вернулась.»

Сразу легче стало, сразу успокоилась, хотела окликнуть Марусю, но в этот миг раздался голос...

Вы не поверите – раздался голос Евгения.

– А если Маруся придёт? – у кого-то спросил он.

Сердце моё вновь бешено заколотилось.

Глава 7

– Да, а если придёт Маруся? – фальшивым тенорком поддержал Евгения Тасик.

«Он-то припёрся сюда зачем?» – удивилась я и глянула на часы.

Ужас! Полдень, а Маруси все нет. Вот и верь такой подруженьке, я уж и выпалась, уже и гостей у неё принимаю. Но Тасик как сюда попал? Не замечала раньше особой дружбы между ним и Ваней. И куда смотрит Тося? Шляется её муженёк в выходной черт-те где.

– Маруся дома не сидит, – успокоил гостей Архангельский. – А уж теперь, когда мы поцапались, помчалась, думаю, к подружкам кости мне перемывать.

Я вскипела. Вот он как, оказывается, за глаза о моей Марусе!

Уже было собралась выйти из спальни и посмотреть, что там происходит, да призвать всех к порядку, но тут раздался голос Пупса. Не Пупса, конечно, а Виктора. Пупсом его из нежности Роза называет, и мы все следом за ней, но лишь между собой, а в прямом общении зовём, конечно же, как родители называли – Виктором или Витей.

– Могу я тапочки эти надеть? – вежливо поинтересовался Пупс. – Роза очень ругается, если я носки новые пачкаю.

– Надевай, – отмахнулся Архангельский и продолжил ругать Марусю.

Правда, сдержанно ругал, скорей высказывал обиды. Я же дивилась: мой Женька, Тасик, Пупс...

Что их всех вместе собрало?

Выйти или подслушать?

И тут на самой обидной ноте Архангельского раздался плаксивый голос Тамаркиного Дани.

– Моя тоже куском хлеба каждый день попрекает, – сообщил он, после чего у меня последние сомнения отпали.

Я решила не выходить, а затаиться и подслушать, что собрало вместе всех этих подкаблучных мужей.

Минут пять они лениво жаловались друг другу в прихожей, а потом Архангельский спохватился.

– Что это мы время теряем? За дело! За дело, господа! – жизнеутверждающе воскликнул он.

Остальные хором согласились:

– Да, пора за дело!

Архангельский тут же взял инициативу в свои руки и начал командовать.

– Так, Витька с Тасиком пчёлкой за шашлыком, – деловито забубнил он. – Мы с Даней тут пока на стол соображаем, а потом все быстро садимся, перекусываем и считаем «капусту»! Да, что-то я забыл. А-а, вот! Витька с Тасиком за шашлыком, а Жека, за пивом, в пиве он лучше всех разбирается.

«Да уж, – ядовито отметила я, сидя под дверью в спальне, – этого у него не отнять. Хоть в чем-то мой бывшенький преуспел.»

В прихожей, тем временем, затеялся спор кто лучше разбирается в пиве. Даня, дармоед, был категорически с Архангельским не согласен и настаивал на том, что в пиве разбирается только он. Страсти кипели очень органично, но время от времени в них вносил диссонанс Пупс, назойливо интересующийся «куда будет правильной поставить тапочки», которые он непонятно зачем надевал. Видимо не рассчитывал идти за шашлыком. Привык, что ему Роза все на блюде подносит. С Архангельским не проходят такие номера, он тоже много к чему уже привык за горбом Маруси.

Наконец спор затих, и Женька, Пупс и Тасик отправились за покупками, а Ваня и Даня проследовали на кухню.

Мне жутко хотелось проследовать за ними и подслушать в каком русле потечёт разговор, но я не рискнула. Евгений, Пупс и Тасик могли вернуться в любой момент. Если они застукают меня под дверью кухни, то как я узнаю какую Ваня собрался считать «капусту»? Мне до зарезу это хотелось знать.

Пришлось тосковать в спальне, недолго, правда. Очень быстро Пупс с Тасиком вернулись с шашлыком, тут же за ними прибежал и Евгений. Мне только оставалось дивиться какие ловкие и быстрые становятся мужики, лишь только вырвутся из-под жёниных юбок. Ишь как восторженно галдят, положительно шашлыки оценивают, пивом восторгаются. Того и гляди «телок» сейчас сорганизуют на радости такой. Интересно только, с чего у них праздник образовался?

Узнать это очень уж мне не терпелось. С большим трудом дождалась, когда они угомонились да уселись за стол, но уж как только сделали это, я сразу выгодный пост заняла, такой, откуда и слушать было удобно и сматываться (в случае чего) возможно. Настроила уши на нужную волну и услышала такое!

Впрочем, ничего особенного я не услышала: каждый говорил о своём, о наболевшем. Больше всех, почему-то, усердствовал Даня, а ведь думала я, что он лучше всех устроился.

Боже ты мой! Чего только нет у него! Живёт Даня, как у Христа за пазухой! Пока несчастная его жена с утра до вечера своим бизнесом занимается, Даня с утра до вечера спит со своим разжиревшим котом и жрёт с ним одни деликатесы! И вот она благодарность!

Бедная моя Тамарка! Если бы слышала она, думаю, разрыв сердца точно получила б. Жаль, что не слышит.

Впрочем, и наш интеллигентный Пупс от Дани не отставал, а может и похлеще бедную Розу обгаживал, но на свой, на интеллигентный лад. Если не разберёшься, то даже покажется, что и хвалит, а как вникнешь, так боже ты мой!

Бедная моя Роза! Этот Пупс ни под бок ни под голову, куда ни сунется, от него одни долги, а Роза ведь не лёгким трудом зарабатывает, одно название «гинеколог» любому о многом говорит. И после этого ещё Пупс недоволен, что Роза его ругает. Он же хуже проститутки! Проститутку хоть собственный орган кормит, а Пупса чужие.

«Эх, выйти бы сейчас, – подумала я, – да объяснить ему, что он настоящий сутенёр, раз мою добрую Розу костерит. Розу, которая столько лет его, непутёвого, кормит.»

От мысли этой я тут же и отказалась, потому что весьма интересно заговорил и Тасик. Он жаловался на свою Тосю. Оказывается уже и она куском хлеба его попрекает. Кто бы мог подумать?

Эта Тося всю жизнь от работы увиливала, потому что всю жизнь ждала, что её Тася вот-вот начнёт на неё работать, а он все не начинал и не начинал. Так они и жили, перебивались с хлеба на воду, пока не случилась Перестройка. Тут Тасик ожил и научился из закромов Родины в кооператив таскать, который он наспех сколотил благодаря связям в горисполкоме. Некоторое время неплохо шли его дела, и Тося процветала, все радовалась, что сбылась её мечта, но...

Тасик прогорел, да ещё и остался должен. Тося подкатила к Тамарке, та ей немного подмогла...

Здесь не могу не похвалить нашу Тосю – талантлива она оказалась и в короткий срок её бизнес так в гору пошёл, что Тамарка уже задумалась не слишком ли она перестаралась. Ещё немного и Тося той конкуренткой станет, которую Тамарка своими руками себе и выпестовала. Но речь здесь не о Тамарке, а о Тасике. Теперь оказывается, что ему тоже живётся нелегко, причём выясняется это с душещипательными подробностями.

Ну, про Архангельского не буду и поминать, ему, после ссоры с Марусей, жаловаться сам Бог велел.

В общем, разошлись мужики, один Женька мой в тряпочку помалкивал, что злило меня невероятно. Не скрою, хотелось мне, чтобы и он Юльку свою поругал. Уверена, уже есть за что, но Женька лишь вздыхал и помалкивал.

Наконец Архангельскому надоело Марусю ругать и он сказал:

– Так вот, мужики, теперь мы свой бизнес наладим и нашим бабам носы утрём.

– Утрём, утрём, – загудели мужики, – покажем им на что мы способны. Мы им не коврики, чтобы ноги об нас вытирать.

Я думала, что они начнут говорить о «капусте», уж очень нетерпелось о ней мне узнать, однако о делах рассуждать они не спешили – вместо этого предались мечтам.

– Э-эх, – воскликнул Архангельский, – «бабки» пойдут, Маруське норковую шубу куплю, такую, чтобы до пят. Ей очень хочется!

«Боже мой!» – ужаснулась я, вспоминая габариты Маруси.

Сердце моё зашло от жалости к тем стадам норок, которые должны погибнуть в связи с мечтами Архангельского и Маруси.

– А я сразу же покупаю своей Тосеньке пылесос, – сообщил рациональный и прижми-стый Тасик.

– А я даже не знаю, что своей Томе и купить, – закручинился Даня. – Уж всего у неё полно и не в одном экземпляре.

– Купи хорошие духи, – посоветовал Архангельский. – Духам бабы всегда рады.

– А я сразу же повезу свою Розу на море, – размечтался Пупс. – Замоталась она, бедняжка, отдыха ей не хватает, потому и злая такая.

Тут и Женька мой в обмен мечтами вступил.

– Я тоже Юльку отдыхать повезу, – сказал он, а я сразу подумала:

«Что, уже есть повод? Тоже замоталась и потому тоже злая?»

Жаль, нельзя это было вслух сказать, однако Женька продолжил:

– Юлька о кругосветном путешествии мечтает, вот туда путёвки и возьму.

Пупс отнёсся к такой мечте скептически.

– Крутовато, – сказал он, – с первого раза может и не хватить.

– Значит повезу со второго раза, – ответил Евгений и добавил: – Все равно мне деваться некуда.

Фраза эта лишила меня равновесия и покоя. Передать не могу, как я разволновалась.

«Почему это ему деваться некуда? – распереживалась я. – На что это он намекает? Не на то ли, что Юлька беременна? Господи, если она ему родит, тогда конец! Мне их не развести!»

Горе испытала, сидя под дверью кухни, невероятно. Уж не знаю, как и пережила бы, когда бы Архангельский не свернул этот пошлый разговор и не перешёл к делу.

– Все, мужики, – сказал он, – хватит мечтать, пора считать «капусту».

Я бросила горевать и превратилась в уши.

Глава 8

Неожиданно для меня инициативу перехватил Тосин Тасик, из чего я поняла, что в деле, которое мужики замыслили, зачинщик он.

– Значит так, – пытаясь придать своему писклявому голосу басовитость и деловитость, начал Тасик. – Я тут все обмозговал и разработал стратегический план. Ну, вы сами в курсе...

Я думала он о деле говорить начнёт, но он продолжил довольно-таки неожиданно.

– Вы сами в курсе, у меня опыт и организаторские способности, – закончил он, с чем мужики тут же не согласились.

– Ага, – съязвил мой Евгений, – способности по организации отъезда твоей Тоськи к месту службы. И то, исключительно в целях минимизации продалбывания мозгов. Вот я в бизнесе...

Но хвастануть ему не удалось.

– Да что ты в бизнесе понимаешь?! – возмутился Тасик. – Ты всего лишь бережёшь чужое добро, а у меня целая фирма... – Тут он запнулся: – Хм. Была, но зато какие доходы, какие проекты, коллектив.

– Тоже были, – на мой взгляд, очень к месту вставил Пупс.

– Я людей сплотил! – затравленно взвизгнул Тасик, на что тут же последовал ответ.

– Значит ты хороший плотник. Вот теперь и будешь лесом заниматься, – хохотнул Архангельский, решительно перехватывая инициативу.

Остальные дружным смехом его намерения одобрили и поддержали.

– Значит так, – дипломатично заявил Архангельский, – Тасик... То бишь, Станислав, не обижайся, ты, значит, у нас молоток и все тут правильно говорил, только так дела не делаются.

Я сразу потерялась в догадках какие там у них не делаются дела. Хоть убейте меня, от этого придурковатого Станислава я ничего о делах пока не услышала, как уши в сторону кухни не направляла – что-то плёл про стратегический план и про свои способности. Если это и есть дела, так какую же они собрались считать «капусту»?

Однако, Архангельский продолжил и сразу свет пролил.

– Раз уж мы решили заниматься деревообработкой в России, – важно изрёк он, – то и действовать нужно по-русски. Виктор, ты смотрел, что там с экономикой вырисовывается у Тасика?

– Вырисовывается рентабельность сто пятьдесят четыре процента, – тоном доки отозвался Пупс, зашуршав бумагами.

– И это все? – разочарованно спросил Архангельский.

Я с трудом под дверью усидела. Что за лохи? Куда они лезут? Пролетят, как обычно, а платить будут их несчастные жены.

И Женька, дурак, туда же, за этими простофилями тянется, вместе с ними и пролетит...

Эх, как чешутся мои кулаки!

Но с другой стороны, если он пролетит, то платить будет Юлька, а она очень платить не любит, пожалуй, ещё больше Тamarки. Значит с Женькой развод. Ха! И ещё какой!

«Ох и погонит она его!» – размечталась я.

– Совсем же неплохо, Иван, – вступил в разговор мой Женька.

Лёгкий на помине, будто слышал, что о нем подумала. Хотя, в последнее время, с тех пор как мы расстались, о нем думаю постоянно.

– Совсем неплохо? Конечно, – пренебрежительно подтвердил Архангельский. – После всех раздач как раз на сигареты без фильтра хватит. И то не всем.

Мужики загудели, а он начал считать, зная его привычки, уверена, обязательно загибая пальцы.

- Налоговой дать нужно? – спросил он.
- Нужно, – нехотя подтвердили мужики.
- Это раз, – открыл счёт Архангельский. – Природоохране нужно?

Все примолкли, но опытный Пупс подтвердил:

- Нужно.
- Это два, – продолжил счёт Архангельский. – Санэпидемстанции нужно?
- Ну это грабёж! – возмутился Даня. – Санэпидемам-то зачем?
- Нужно-нужно, – заверил Пупс, и Даня умолк, а Архангельский продолжил:
- Это три. Ментам ещё, пожарным... Скажите спасибо, что рэкет отпадает. В общем,

семеро с ложкой ждут не дождутся, и рентабельностью в сто пятьдесят процентов никак не обойтись. Нужно процентов четыреста, на худой конец триста пятьдесят, не меньше. И это я берусь обеспечить.

Мужики замолчали, поражённые грандиозностью замыслов Архангельского, Пупс же бросился лихорадочно производить подсчёты, громко щёлкая клавишам своего старого раздолбанного калькулятора, как кастаньетами.

Заявление Архангельского так впечатлило Даню, что тот внезапно его зауважал и перешёл к непривычно официальному обращению.

– А как же, Иван Фёдорович, ты собираешься триста пятьдесят процентов обеспечить? – с непередаваемым пиететом спросил он.

– Господа, вы не видели меня в деле! – с беспрецедентной наглостью заявил Архангельский, от чего у меня душа в пятки ушла.

«Ну-у, теперь Маруся его точно убьёт, – подумала я. – Конечно убьёт, когда за долги продаст свою квартиру. Больше ей нечего продавать, новую-то машину своему Ване она ещё не купила, а за старую много не возьмёшь.»

Распереживалась я уже не на шутку, уже хотела выскочить из засады и загубить на корню их глупую затею, но в этот момент Пупс нарушил молчание.

– Ваня, – грустно сказал он, – такая рентабельность даже при продаже оружия большая редкость. Может торговля наркотиками это позволяет, но только без посредников. А в деревообработке для достижения поставленной тобой цели нужно делать продукцию из воздуха и без энергозатрат.

Обстоятельная и сугубо правильная речь Пупса произвела на мужиков впечатление. Это я поняла по гробовому молчанию.

– Взгляни вот, – Пупс снова зашуршал бумагами. – Здесь все расчёты.

Однако, Архангельский взглянуть не пожелал и даже рассердился, пренебрежительно отмахнулся.

– Некогда смотреть, – брезгливо заявил он. – Тут не гляделки требуются, а дело делать нужно. Но ты, Витяня, не дурак, узрел в корень. Потому на сверхприбыли и рассчитываю, что сырьё мы почти бесплатно возьмём. Вам просто повезло, что я Марусе подвернулся!

Пока мужики до звона в мозгах напряжённо гадали в чем им повезло, Архангельский тут же их и просветил:

– Зря что ли я из Архангельска, из лесного края? – спросил он и, не давая ни кому издать ни звука, тут же ответил на удачно поставленный собою вопрос: – Нет! Не зря! Я же и вырос прямо в лесу!

«Слышала бы Маруся! – ужаснулась я. – Не хвастала бы его манерами.»

Между тем Архангельский продолжил:

– Да-а, вырос в лесу, среди сосен, так что с дубами на «ты». Короче, уже с кем надо созвонился и товар в пути. С «бабками» тоже все намази.

– С какими «бабками»? – изумлённо осведомился Пупс.

– Имеются ввиду «бабки», что на взятку пойдут, – пояснил Архангельский, – потому что лес нам на реализацию дают.

И тоном полнейшего превосходства над собравшимися он заключил:

– Вот так-то, господа! Учитесь, пока я жив. Вы целый год хоромы водили, не знали как к настоящему делу подойти, а я в два счета все концы в одно кольцо свёл, и уже считаем «капусту». Такие мы, поморы, на ходу подметки рвём.

«Да-аа, – сидя в очень неудобной позе под дверью кухни, подумала я, – не умрёт от скромности Марусин Ваня. Не умрёт и даже не заболит. Эх его понесло, ну чистый Хлестаков.»

Словно узнав о моем осуждении, Архангельский неожиданно сбавил обороты, почувствовал, думаю, что уж слишком распустил свой павлиний хвост. Короче, не знаю что на него нашло, но весь этот парад-алле, стыдобу эту, он быстро свернул и закончил сдержанно и по-деловому.

– Сейчас посоветуемся, – сказал он, – перезвоню и поедем.

– Куда? – испуганно спросил Евгений, ошарашенный деловым напором Архангельского.

– Как куда? – изумился тот. – Стрелку забивать да «капусту» отслюнявливать, бакшиш. Лес, – он почему-то причмокнул, – пальчики оближешь!

– Небось ворованный, – внезапно предположил Даня.

Уж никак не ожидала от него прыти такой. Думала, дремлет по обыкновению.

– Ворованный, – бодро согласился Архангельский, – но с документами.

Судя по молчанию, мужики крепко переваривали эту новость, ещё не зная как к ней отнестись. Все, как один, дружно предпочитали домашний диван да финский унитаз параше и шконке. У них потому и с бизнесом не ладилось, что к воровству слишком много предубеждений было. Да и вялость всех одолела. На здоровый мужской риск был способен лишь мой Евгений, да и тот патологически не любил нарушать законы, без чего ни шагу в нашей стране. Короче, мужья моих подруг очень ручные мужчинки. Ручные и домашние, дальше дивана никуда, а тут заява такая.

В воздухе запахло парашей и шконкой.

Молчание подзатянулось, я начала скучать.

Наконец мой Женька обстановку разрядил.

– Дела делами, но пиво-то киснет, – сказал он и мужики оживились.

– Да! Пиво! Пиво! – закричали они.

«Конечно, – подумала я, – уж лучше пивка попить, чем над проблемой голову ломать.»

Подумала и разозлилась. Вот в этом они все: от любой мало-мальской неприятности в негу и удовольствие, сломя голову, кидается наш мужик. Совсем удар не держит. И не хочет держать. Вот Ваня – с Марусей поругается и сразу к пивной, пивом да раками горе своё заедать. Женька мой после всех ссор услаждал себя футболом. Пупс, Тасик, Даня – те вообще в этом смысле уроды, о них и говорить не хочется...

– Выпили все пиво, – страдальчески воскликнул Тасик.

«Вот это настоящее горе!» – проникаясь сочувствием, подумала я.

– Как же, – рассмеялся Евгений. – Что бы я вам предлагал, если выпили? Ты что Думаешь, я тот дурак из поговорки, которого за бутылкой пошли, так он одну её и принесёт? Нет уж, учёные.

Раздался резкий звук отодвигаемого стула и...

И Женька направился в прихожую.

Глава 9

«Женька направился в прихожу,» – ужаснулась я, сидя у него на пути под дверью кухни. Тут не могу не погордиться своей ловкостью. Ловкостью и умением сходу нужную скорость набирать. Что ни говори, но мобильности во мне хватает, своему «Мерседесу» сто очков вперёд дам.

Но и Женька мой не льком шит, тоже шустрый, за малым лбами не столкнулись...

Но все же успела я в гостиную шмыгнуть, а у самой сердце бешено колотится. Так близко он прошёл – услышала запах родной, колени подогнулись. Он тоже, словно моё присутствие учуяв, помедлил, приостановился без видимой причины...

– Так тащи же скорей, не томи душу, – загалдели мужики.

И Евгений заспешил в прихожую к двери, где оставил кулёк с пивом.

Пока они уничтожали пиво, с побрякиванием и поухиванием, я всплакнула, устроившись в гостиной на любимом диванчике Маруси, вспомнила, как мы с Женькой здесь сживали, да как в кухне в гостях у Вани с Марусей гуливали...

Э-эх! Какие времена! Счастливые, а я их не ценила. Думала, так будет всю жизнь. И вот вам, пожалуйста, все как в песне поётся: «Красивая и смелая дорогу перешла...»

Чур меня, чур! Юлька, что ли, красивая? Урода эта кривоногая? И в подмётки мне не годится.

Конечно не годится. Я и умница, и красавица...

А вон до чего дожила: Женька не меня везёт в кругосветку, а какую-то кривоногую Юльку!

Мою, кстати, Юльку! Лучшую подругу!

Пока я горевала, мужики вновь вернулись к своим замыслам.

– Теперь ты, Тасик, – деловито распорядился Архангельский, – расскажи что там с цехом.

– Все в порядке, – поспешно откликнулся Тасик. – Договор железный, цех наш. В цехе все есть. И строгальные станки и долбёжные. В общем все. Можно сложные изделия делать, а можно простенький погонаж гнать: рейки, плинтусы, обналочку.

– А инструмент, – с важностью осведомился Архангельский.

– Инструмент – это не моё, – угас Тасик.

– В порядке все с инструментом, – подхватил эстафету Женька. – Все достал: и фрезы, и пилы, и резцы, и все остальное. Много чего. В общем, все по тому списку, который Тасик дал.

«Ага, – подумала я, – значит правильно угадала, зачинщик все-таки Тасик.»

– Отлично, – подытожил Архангельский, – тогда считаем «капусту». Вить, так что там у нас выходит, просвети господ.

По поводу «капусты» Пупс докладывал без должного энтузиазма, но проект новоиспечённого начальника не забраковал.

– Я тут все прикинул, – с профессиональной озабоченностью сообщил он, – если лес поступит за четверть цены, как обещал Иван Фёдорович, если электроэнергию воровать, ну и на зарплате рабочим поприжаться, тогда, думаю, рентабельность в триста двадцать процентов вырисовывается, но пока лишь на бумаге.

«Рисовали на бумаге да забыли про овраги,» – подумала я, безмерно горя, что не могу с присущей мне прямоотой сказать этого вслух.

– С зарплатой не будет проблем, – оптимистично оповестил поделщиков Тасик. – Когда цех смотрел, с аборигенами пообщался. Это же не Москва. Там, в этой Богом забытой Алексеевке, народ вообще забыл как выглядят «бабки». Натурой друг с другом расплачиваются, – хихикнул он и серьёзно добавил: – За двадцать процентов от московских зарплат обещали горбатиться, как рабы на плантациях.

– А транспортные расходы? – сразу же озаботился умный Пупс.

– Не бойсь, – успокоил его Архангельский. – В эту, Богом забытую Алексеевку, ветка есть. Прямо вагонами лес подавать и будем. И так же гнать готовую продукцию обратно. Даня на железку имеет выходы, обещал все сомнительные позиции с дорогой утрясти. Да-ня! – зычно разбудил он его. – Подъем!

Даня мгновенно проснулся – вот бы порадовалась Тамарка, которая часами будит его.

– Утрясу, – поспешно заверил Даня.

– Во что это счастье обойдётся? – бухгалтерски въедливо поинтересовался Пупс.

Даня гордо рапортовал:

– Маневровый тепловоз отволочёт вагон со станции назначения к цеху за бутылку, ну, может за две. Бутылку, конечно, не машинисту, а начальнику станции, моему другу. Он выпить не дурак, но больше двух не осилит. Жена строгая.

– Добро, – обрадовался Архангельский.

– Добро, – загалдели мужики.

А я подумала: «Их бы устами, да мёд пить. Как складно у них все выходит и, главное, затрат никаких. Там за бутылку, там за полцены, там вообще даром. Это какие же таланты столько лет пропадали! И неожиданно обнаружались. Ну прямо как в сказке: лежал-лежал Илья Муромец на печке до сорока лет, а потом как вскочил да как начал горы воротить...»

Ох, чует моё сердце, быть беде.»

– Вить, так что там теперь с «капустой»? – поинтересовался Тасик.

– Как просили, четыреста процентов – жизнеутверждающе сообщил Пупс.

«Странно, что не пятьсот,» – изумилась я.

– Так! – с необъяснимым подъёмом воскликнул Архангельский. – Считаем «капусту»! Станислав, что там у нас с производительностью цеха, если погонаж шуровать?

– Ну-у, – замылся Тасик, – если усредненно, то пять, от силы шесть тысяч погонных метров в смену.

– Добьёмся шести, – решительно отмёл сомнения Архангельский.

– Так можно, ведь, и в две смены, – удивительно бодро предположил Даня.

«Вот чем надо его будить, – прозрела я. – Просыпается только при слове „капуста“. Надо мою Тамарку просветить.»

– Работать будут в три смены! – воодушевлённо постановил Архангельский. – Шесть множим на три. Итого... Итого... Витек? – обратился он за помощью к Пупсу.

– Восемнадцать, – компетентно заверил Пупс в том, что очевидно и первокласснику. – Выходит восемнадцать тысяч погонных метров в сутки.

– Ого! – обрадовался Архангельский. – Крепко. А в месяце двадцать два рабочих дня. Восемнадцать на двадцать два, получается...

Учитывая, что бедняга затруднялся помножить шесть на три, Пупс не стал дожидаться от Вани подвигов в более сложных подсчётах. Тут же с эффективностью калькулятора он подсчитал сам и огласил результат:

– Триста девяносто шесть тысяч погонных метров изделий.

Мужики удовлетворённо загалдели.

– Это вы ещё цен не знаете, – торжествуя, заявил Архангельский. – Даня, доложи господам, какова средняя цена на фрезерованный погонаж.

– Собрал все данные по оптовым поставщикам такого рода товара, – важничая, сообщил Даня, – и получается, что меньше, чем доллар за метр наша продукция стоить не может.

Я быстро умножила триста девяносто шесть тысяч метров на один доллар и задохнулась от удивления: «Триста девяносто шесть тысяч долларов в месяц?! На пустом месте?»

Архангельский так быстро считать ещё не привык, а потому снова обратился за помощью к Пупсу.

– Только на одном этом цехе доход составит почти четыреста тысяч долларов в месяц, – подытожил Пупс. – А расходы, при уже определённом уровне рентабельности, лишь одну пятую часть дохода, то есть около восьмидесяти тысяч долларов. Итого чистой прибыли – почти триста двадцать тысяч долларов в месяц.

– Это же на каждого получается... – задохнулся от счастья Даня.

– Шестидесят четыре тысячи долларов, – незамедлительно высчитал Пупс.

Мужики оживились. Я схватилась за голову: «По миру пустит Даня Тамарку. Куда эти уроды вляпываются?!»

Разумный Пупс в ликование участия не принимал и даже попытался его приостановить.

– С этой суммы нужно налоги заплатить, – напомнил он, – и ещё эти, как там Иван говорит, раздачи...

– Все устрою в лучшем виде, – оптимистично пообещал Архангельский. – Уже и коны набил. В пять «косых» зеленью уложимся за все про все.

– Так ведь налогооблагаемая база, косвенные налоги... – принялся мямлить Пупс, но Архангельский неугодные речи в корне пресёк.

– Брось ты свою экономику, Виктор! – снисходительно посоветовал он. – В России другие законы. Не довела тебя бухгалтерия до добра и никого не доведёт. Тут трясти надо, а не думать. Сказал же: все устрою. Слепо следуйте за мной, и завтра мы будем миллионерами!

Наступила тишина.

Образная тишина. Даже перед моими глазами простёрлись бескрайние поля, густо засаженные «капустой». Даже я растерялась: что со всем этим богатством делать? Как тратить его? С чего начинать? Бог мой! Тут же непочатый край работы! Бегай по магазинам хоть круглосуточно и до смерти не потратишь!

Да-аа, опешила даже я – человек неистощимой фантазии. Великие же комбинаторы, думаю, просто страдали от беспомощности перед такой горой «капусты», ломали голову куда её деть? Как от жён заначить? Это же не десятка, не запихнёшь под тумбочку или в носок. Шутка ли, насчитали каждому чуть ли не по «лимону» долларов годового дохода!

«Если эти комбинаторы пролетят, – ужаснулась я, – Тамарка точно сойдёт с ума. От горя. А если не пролетят, все равно сойдёт с ума, но... тоже от горя. Ха, если Даня заработает „лимон“, то выходит, что Тамарка неправа: Даня оказался её умней, хотя Тамарка столько лет убеждала мужа, что нет его тупей на свете.»

И тут мне в голову пришло, что совсем не о том я думаю. Не о Тамарке надо переживать, а о себе. Если Женька заработает миллион, он же отнесёт его Юльке!

Юльке, а не мне!

Это само по себе горе, но дело даже и не в том. Отсутствие у меня Женькиного миллиона я легко переживу – ведь жила же как-то до этого, – а вот факт, что Женька на веки достался Юльке, просто до смерти бесит меня. По доброй воле Юлька от мужа миллионера не откажется. Не убивать же её.

Короче, решила я бизнесу этому помешать. Решила и дальше слушала разговор совсем под другим углом: почему-то уверена уже была, что у этих недотёп все получится. Теперь я не критиковала их, а завидовала всей душой, переживала и голову ломала как им помешать.

А мужики, между тем, нарадовавшись вволю, на встречу с поставщиками леса ехать собрались. Архангельский куда-то позвонил, долго с архангельскими мужиками «стрелку забивал», чтобы встретиться и тут же другую «стрелку забить», уже для вручения кому-то бакшиша.

Короче, сложнейшие у них там комбинации закручивались, из которых мне ясно было одно: «стрелка забита» напротив пивной, которую Ваня любит не меньше своей молодой жены. Благодаря ревности Маруси к той пивной, я прекрасно туда знала дорогу.

Глава 10

Как только за пятью рассерженными мужьями захлопнулась дверь, я тут же бросилась к окну и с радостью обнаружила, что во дворе дома стоит Женькина старушка-«тойота».

«Значит за рулём будет он. Очень удачно сложилось,» – подумала я и сразу же направилась к телефону.

Набрала 02 и бодро сообщила милиции, что банда нетрезвых наркоторговцев «забила стрелку» поставщикам белой смерти.

– За рулём «тойоты» совершенно пьяный главарь, представляющий страшную угрозу обществу, – заверила я.

Подробно описав приметы Женьки, а так же Вани, Дани, Таси и Пупса, я предупредила, что они абсолютно «отморожены» и до зубов вооружены.

С последним я, пожалуй, перестаралась и даже струхнула, что милиция к моим наркоторговцам сразу потеряет интерес. Поэтому я раз двадцать осведомилась, могу ли рассчитывать на задержание преступников.

– А кто вы такая? – нахально раздалось мне в ответ.

– Доброжелательница, – со всей мне доступной искренностью сообщила я и в довершение подробнейше описала координаты любимой Ваниной пивной и даже в мельчайших деталях рассказала как туда проехать. Лишь после этого бросила трубку.

Должна сказать, что этот телефонный разговор меня изрядно измотал – не каждый день стучать на бывшего мужа доводится.

Если Женька узнает, он меня убьёт!

Мгновенно такая слабость обнаружилась в коленях, что даже на кровать захотелось прилечь. Прилечь и с часок-другой вздремнуть. Но я себе расслабиться не позволила, а мужественно отправилась плоды трудов пожинать.

«Как тяжело строить и как легко ломать,» – думала я, спускаясь в лифте и вспоминая бесконечный трёп несчастных комбинаторов и свой короткий разговор с сотрудником милиции.

Лишь выйдя на улицу поняла я с каким рвением отдались своему делу эти несчастные: никто, ни Женька, ни Архангельский, ни Даня, ни Тасик, ни Пупс, никто из них не заметил моего «Мерседеса», стоящего у подъезда Маруси. Вот как самозабвенно и безоглядно бизнесом занялись.

«Будь они повнимательней, – злорадно отметила я, – возник бы у них вопрос: где эта Мархалева, раз её „Мерседес“ под окнами стоит? Уж не подслушивала ли нас она? Озаботься они такими вопросами, и кто знает, может и сложился бы бизнес их?»

* * *

Пивная находилась рядом со сквером, рассечённым надвое дорогой. В надежде, что мой «Мерседес» снова не заметят, прямо на этой дороге за джипом «Лендровер» и пристроилась я, в тени деревьев и высоких кустов. Пристроилась и наивно подумала: «Сейчас вас, родненькие, как миленьких повяжут.»

«Тойота» Евгения стояла неподалёку от пивной. Рядом с ней примостилась «Волга» архангельских мужиков, а сами мужики в компании Архангельского со товарищи дружно заправлялись пивком и развлекались беседой.

«Что-то далековато от „Тойоты“ мои наркодельцы отошли, – занервничала я. – Боюсь, менты не найдут их, не разберутся.»

Словно по заказу, Архангельский поднялся из-за стола, Женька, Пупс, Даня, Тася и архангельские мужики вскочили следом за ним и направились к автомобилям. Теперь уже я занервничала по другому поводу: вдруг уедут, не дождавись ментов?

Однако, компания уезжать не собиралась, а с жаром обсуждала свои дела, стоя у машин.

«Снова считают „капусту“,» – подумала я, нервно поглядывая на часы и дивясь отсутствию милиции.

Минут двадцать эти «наркодельцы» трепались с архангельскими мужиками, а милиция все не ехала и не ехала. Я уже приуныла, как вдруг из «Лендровера», за которым стоял мой «Мерседес», высыпала стая гоблинов почище тех, что гонялись за Ваней.

– Слышь, Вован, – небрежно бросил самый безобразный из них, – мы выйдем в сквер, чтобы напряжённости не создавать. Проветримся, бля, покурим, а ты на стрёме пока сиди.

Чтобы не создавать напряжённости в джипе, гоблины вышли и отправились создавать напряжённость в сквере.

Я проводила их брезгливым взглядом и снова уставилась на часы.

«Черт знает что такое! – гневно думала я. – Зря, что ли старалась? Вот-вот, с минуты на минуту разойдутся мои „наркодельцы“, а милицией здесь и не пахнет. Надо что-то предпринимать, причём срочно!»

Я решительно покинула «Мерседес» и направилась к «Лендроверу».

Вован и не подумал на стрёме сидеть. Закрыв глаза и заткнув наушниками уши, он тряс головой в такт каким-то немислимым звукам, которые могла слышать даже я, так сильно он врубил то, что по бестолковости принимал за музыку.

Я стащила наушники с его волосатых ушей и громко постучала по дверце машины. Вован пришёл в ярость, но увидев меня, осклабился и радостно воскликнул:

– О! Телка!

– Не телка, а классная телка, – уточнила я.

– И что дальше? – с пошлой улыбочкой поинтересовался Вован.

– А дальше вот что: мужиков тех видишь?

Не надо, думаю, уточнять, куда указала моя рука.

Вован задумчиво почесал в затылке и спросил:

– Ну?

– Если всех схватишь и повяжешь, любые «бабки» заплачу, – заверила я, не собираясь выходить за пределы двухсот долларов.

Вован очень крепко задумался, переводя взгляд с меня на моих «наркодельцов». Наконец в недрах его лысины созрел вопрос:

– А тебе-то это зачем?

– Ревность, – лаконично ответила я.

Вован снова почесал в затылке.

– Предположим, повяжем, бля, и что с ними дальше делать? – поинтересовался он.

– Можете немножечко побуцкать, но не всех, а только вон того, белобрысого. За роскошные фингалы под его прозрачными голубыми глазами отдельно и хорошо заплачу.

– Муж твой что ли? – снова осклабился он.

– Бывший, – нехотя пояснила я и повторила: – Очень хорошие бабки плачу.

Вован раздумчиво уставился на моих «наркодельцов».

– На хрена мне бабки твои? – в результате совершенно неожиданно заявил он. – Ща мы этих лохов и так повяжем. Садись в тачку.

Я шарахнулась:

– Нет уж, лучше в своей подожду.

И на всякий случай я бегом направилась к «Мерседесу», конечно же утратив всякую надежды на успех затеянного предприятия.

Каково же было моё удивление, когда Вован слово сдержал. По взмаху его руки вся бригада гоблинов шустро упаковалась в «Лендровер». Я и опомниться не успела, как джип подрулил к старенькой «Тойоте» моего Евгения, вокруг которой все ещё тасовались и мужа и архангельские мужики. Численный перевес противника гоблинов ничуть не смутил, они вылетели из своего «Лендровера» и буром попёрли на всю компанию. Те от наглости такой оторопели.

Мне за Женьку и Архангельского даже стыдно стало. Сила у обоих немерянная, а вот гляди ты, стоят и не двигаются.

«Сейчас их, голубчиков, повяжут и где раки зимуют расскажут,» – злорадно потирала я руки.

У меня были некоторые опасения насчёт архангельских мужиков – ребята все крепкие, кто знает как себя поведут? Вдруг достойный отпор дадут гоблинам?

Напрасно я опасалась. В дальнейшем началась жуткая стыдоба. Архангельские лесопромышленники, заложив руки за голову, рысцой двинулись к джипу гоблинов и послушно в него утрамбовались. Хоть бы слово против сказали. Нет! Вот так, без всяких возражений, заложили руки за голову и в джип. Стройными рядами.

Тамаркин Даня...

Он просто на тротуар упал и заснул. Так спящего его в «Тойоту» и занесли.

Тася и Пупс...

Ну что с них взять? Тася – метр в кепке, а у Пупса столь лёгкий вес, что ветром качает. Они у нас в основном гиганты мысли, если им верить, конечно. Но одной мыслью с гоблинами не повоюешь, поэтому после пары пинков Тася и Пупс дали сцепить себя наручниками и следом за Даней загрузились в «Тойоту» Евгения, за руль которой уже примостился Вован.

Архангельский и Женька...

Они ребята неслабые, но трое гоблинов убедительно в них чем-то тыкали, понуждая тоже загрузиться в «Тойоту»... К радости моей Женька и Архангельский очень слабо возражали.

В общем-то вытанцовывалась неплохая картина, я ликовала: бизнесу конец! Миллионером Женька не станет! Значит Юлька рано или поздно выгонит его! Эх, жалко фингалов ему не набили, может Юлька уже сегодня его погнала б.

«В любом случае моя надежда при мне остаётся,» – оптимистично решила я.

И в это время гоблин, который контролировал ситуацию в «Лендровере», как-то странно себя повёл.

– Слышь, Вован! – крикнул он. – Моих лохов из джипаря нужно отправлять. Не наши это. Козлы какие-то деревянные из Архангельска. У них и ксивы есть. Я посмотрел. Чё их возить?

Вован (молодчина) отрезал:

– Лохи, не лохи, – нам без разницы. Пахан сказал всех грузить.

Я насторожилась: «Какой ещё пахан? Не меня же он так величает?»

Но на раздумья времени не осталось, потому что в этот момент мой Женька, утрамбованный в собственную машину, опустил свой могучий кулак на бритый затылок Вована.

«Ой-ёй! – сжалась я. – Убил героя! Женькин удар быка валит с ног!»

И вот тут-то я прозрела чем в наших мужиков тыкали гоблины – самыми настоящими пистолетами. Вован-то после Женькиного удара, понятное дело, отрубился и из-за руля выпал, а вот другие гоблины тут же начали разворачивать стволы. Но прыти Женькиной не учли. Он ужом скользнул вдоль борта своей «Тойоты», а гоблины уж слишком резко развернулись лицом друг к другу. Тут бы им и задуматься, да нечем. Они по инерции пальнули друг в друга и сразу рухнули рядом с Вованом.

В тот же миг «Лендровер» рванул с места так, что резина задымилась, но и там, видно, вдохновлённые Евгением архангельские мужики разборку с гоблинским водилой учинили. В результате джип резко вильнул и на всем ходу въехал в фонарный столб. Архангельские высы-

пали оттуда попарно, скованные наручниками, и с отменной резвостью юркнули в жиденский кустарник.

Женька же даром времени не терял, он бодро пригладил дверцей «Тойоты» череп гоблина, который попытался пристроиться за её руль. Выдернув несчастного из машины, Евгений одним небрежным движением уложил его на асфальт, рядом с остальными.

Я запаниковала. События развивались совсем не по тому сценарию, на который рассчитывала.

«Где же милиция? – страдала я. – Господи! Пошли мне хоть одного, хоть малюсенького, хоть жалкенького милиционерчика!»

Молиться Богу очень полезное занятие. В тот же миг появилась доблестная милиция.

И не жалкенький милиционерчик, а целый ОМОН! Полный автобус!

В шлемах, с автоматами, в камуфляже. Крутые, в общем, парни. Особенно, если судить по тому наслаждению, с которым они отбуцкали всех участников инцидента: и архангельских (их как-то поймали) и московских мужиков, и даже простреленных гоблинов.

Женьке моему досталось больше всех. Фингалы, на которые я так рассчитывала, появились у него в рекордно короткие сроки.

У меня, правда, уже сердце кровью обливалось, но уж очень злорадствовала душа: не видать Юльке кругосветки! Не станет она миллионершей! За мой счёт!

Себя и Женьку я до сих пор не разделяла, особенно, если речь заходила о материальных ценностях.

Однако, вернёмся к нашим мужьям.

Передать не могу, как они были рассержены. Все, что счастливо начиналось, рассыпалось в прах, в труху – погибли все мечты. Архангельские мужики, судя по скорости, с которой они убегали, Марусиному Ване только плохие слова при встрече могли бы сказать. Впрочем, почему могли бы? Они и говорили, когда омовцы гуляли ботинками по их бокам. Мат стоял такой, что бедные мои уши. Уверю вас, о бесплатном лесе речи уже не шло.

Конечно в связи со всем этим, настроение у бедных мужей испортилось окончательно, поэтому не остались в долгу и они: даже интеллигентный Пупс матерился покруче сапожника, когда омовцы втолковывали ему как нехорошо заниматься продажей наркотиков без разрешения милиции.

В конце концов всех, без исключения, загрузили в автобус и увезли.

«Интересно, вернётся сегодня Женька домой или не вернётся?» – глядя им вслед, гадала я.

Глава 11. Отдача

Главное политическое управление Советской Армии Генеральному штабу.

Из аналитической записки.

Совершенно секретно.

...В результате полевых испытаний лазерной боевой психотропной установки «Аист» (изделие ЛП-1), проведённых в июне 1988 года на полигоне «Гарант», указанная установка вошла в режим нештатной ситуации. Разработчики изделия ЛП-1 не предусмотрели уровень воздействия вторичного излучения (отдачи) на личный состав, обслуживающий пульт управления, системы энергопитания и частотные модуляторы установки «Аист».

Указанная отдача – десятипроцентное отражение частично рассеянного лазерного луча от атмосферы и пылевидных частиц, содержащихся в ней, оказала значительное воздействие на личный состав, руководивший работой установки.

Имеется также компетентное мнение, что генерал-лейтенант Калягин приказал задать установке «Аист» слишком жёсткие параметры излучения как по мощности, так и по градиенту.

Кроме того разработчиками изделия «Аист» не была предусмотрена защита личного состава, обслуживающего основные блоки установки, изделиями ДАД-1. Если бы это было предусмотрено, последствия нештатной ситуации могли бы быть менее неблагоприятными.

В настоящем же случае последствия нештатной ситуации привели к нижеперечисленному:

- излучатель и частотные модуляторы установки «Аист» (изделие ЛП-1) уничтожены взрывом плазменной энергетической установки лазера на 92 процента.
- реактор энергообеспечения требует капитального ремонта.
- прочий материальный ущерб нанесён на сумму восемьдесят пять тысяч рублей. (дефектные акты прилагаются).

В отношении изделий ДАД-1 (защитные шлемы, нейтрализующие модулированное излучение лазера) выяснено: применение данных изделий обеспечивает снижение эффективности воздействия установки «Аист» на восемьдесят процентов. Кроме того, изделия ДАД-1 полностью способны нейтрализовать так называемую отдачу (вторичное излучение, сопутствующее боевому применению установки).

Как Вам известно, нештатная ситуация в работе изделия «Аист» привела к частичной гибели личного состава, непосредственно обслуживавшего установку, а также личного состава спецконтингента, подвергшегося воздействию излучения в объёме тридцати процентов его расчётной мощности.

Личный состав, подвергшийся действию отдачи установки «Аист», госпитализирован в специальные психиатрические лечебные учреждения закрытого типа. Случаев выздоровления до настоящего времени не наблюдалось.

Однако личный состав, защищённый шлемами ДАД-1, в скором времени после окончания воздействия и прямого и вторичного излучения установки «Аист», выжил. По мнению психиатров и невропатологов негативные последствия испытаний для этой части личного состава незначительны.

Необходимо отметить, что при испытаниях погибли:

- генеральный конструктор изделия «Аист» генерал майор Илюхин Т. В.
- руководитель проекта генерал-лейтенант Калягин О. Д.
- главный конструктор изделия ДАД-1 Львов Б. Д.

Сообщаем Вам, что комиссия, в которой работали и Ваши представители, склонна отнести инцидент к разряду тех, которые неизбежно случаются при подобного рода испытаниях.

Главное политическое управление считает возможным наградить наиболее достойных из погибших военнослужащих правительственными наградами посмертно.

* * *

Начальник Генерального штаба нервно дёрнул плечом, увенчанным маршальской звездой, и с раздражением пробормотал:

– Политики... Наградить посмертно...

Закурил, погрузившись в горькие раздумья:

«Конечно, теперь чего уж...

Наказывать некого. Генеральный погиб, руководитель погиб, конструктор погиб. И ещё пятьсот человек с ними. А остальные в дурдоме...

„Весёлый“ итог...

Можно считать накрылся проект. На долгие годы. Если только не навсегда. В таких случаях принято сечь того, кто давал разрешение на испытания. Но...

Разрешение давал ЦК КПСС.

А эта вдова сама себя не высечет...»

Глава 12

Юлька не выгнала Женьку. Позже Маруся мне рассказала, что пока тот, вернувшись домой, матерно вопрошал «какая падла нас сдала?!», Юлька со слезами на глазах целовала его фингалы и приговаривала: «Успокойся, родненький, мы эту падлу найдём, мы её оч-чень больно найдём.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.